

ВЕРА

КОЛОЧКОВА

КРАСИВЫЕ МАМЫ ДОЧЕК НЕ ЛЮБЯТ

О мечте, о любви, о судьбе

Вера Колочкова

Красивые мамы дочек не любят

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Красивые мамы дочек не любят / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2018 — (О мечте, о любви, о судьбе)

ISBN 978-5-04-091523-1

Мишель, Сашка и Машка привыкли, что все в их доме крутится вокруг мамы — ведь она самая красивая, самая молодая, самая утонченная. И вдруг папа, который всю жизнь был верным и преданным, ушел от нее к толстой деревенской девке. Мир рухнул, но вместе с тем к девочкам пришло сомнение: а любит ли их мать? Как жить трем сестрам с этой мыслью? На чью сторону встать — на сторону оступившегося отца, беззаветно служившего семье, или на сторону матери, которая, как оказалось, беззаветно служила только себе? И есть ли у них возможность своей дочерней любовью склеить развалившуюся семью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091523-1

© Колочкова В. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

...И мать их Софья	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вера Колочкова

Красивые мамы дочек не любят

...И мать их Софья

Соня

Соня с трудом выбралась из привычного, ставшего уже навязчивым сна, который повторялся довольно часто, был странным, тревожным и необъяснимо тягостным. Во сне она мучительно что-то писала, вернее, пыталась писать. Отчего-то знала – так надо. А что именно должно было родиться в муках творчества – роман, повесть или рассказ, – так и не могла в момент пробуждения вспомнить. Нет, поначалу все было здорово, конечно, – сонные образы получались красивыми, точными, емкими, сверкали готовыми фразами, торопливо цеплялись одна за другую, образуя некую целостность, вызывая ощущение острой необходимости их записать. Скорее, скорее записать! Звонкое такое стремление, счастливое, похожее на прыжок в небо. Аж дух захватывало! А потом... Потом – полный провал. Конец. Вернее, начало сонного кошмара. Вот она садится, суетливо вспоминает что-то, берет перо и бумагу... И – стоп. И нет ничего. Из-под руки выползает грязное месиво из длинных сложносочиненных бессмысленных предложений – уродливых, нечитаемых, невнятных, больше похожих на бред сумасшедшего. Но образы-то были, точно были, хоть разорвись там, во сне! Она и разрывалась от раздражения, от тяжелой муки, просыпалась в холодном поту. Да еще и конец последнего предложения в момент пробуждения надолго застревал в голове, часто возвращался в течение дня, удивляя своей убогой словесной сумбурностью. Зачем ей так часто снится этот мучительный литературный бред, она не понимала. Графоманией Соня не страдала и вообще даже писать не пыталась. Кому рассказать – засмеют. Может, читать на ночь меньше надо? А может, и впрямь ее душа творчества требует? Хотя чего ей, душе, вдруг творчества захотелось – в такой-то момент...

Странно, как это ей вообще удалось заснуть этой ночью. Вернее, уже под утро, поскольку ночью ни Соня, ни три ее дочери не спали, а занимались каждая, собственно, своим делом. Соня или плакала, громко, с истерикой и причитаниями, или сидела, замерев, как сова, с широко открытыми пустыми глазами, а ее девочки – Мишка, Сашка и Машка – кружились вокруг нее испуганным хороводом с валерьянкой, мокрым полотенцем да сладким горячим чаем. Причина суматохи была довольно банальной – от нее, от Сони, вчера ушел муж, Игорь, отец семейства, надежда и опора, добытчик и хранитель покоя, каменная стена, столько лет дававшая Соне надежную защиту. Наверное, было уже или очень позднее утро, или полдень; даже через натянутое на голову одеяло Соня слышала щебет птиц, чувствовала теплые лучи солнца, заполнившие комнату, ощущала веселые апрельские позывные, навстречу которым еще несколько дней назад легко соскочила бы с дивана, включила громкую музыку, вместе с первым глотком кофе услышала бы в себе знакомую радость нового дня. Все кончилось катастрофой, поезд ее жизни сошел с рельсов, перевернулся. Она умерла, ее раздавило, разрезало на части, и при чем тут быющее в окно солнце, при чем тут чириканье весенних птиц и ветер, ворвавшийся в открытую форточку и так некстати принесший с собой запахи теплой земли и прелых прошлогодних листьев?

Соня не понимала, сколько времени лежит так, боясь пошевелиться. Как она ни старалась, все никак не удавалось примерить ситуацию на себя, слишком странно и нелепо по отношению к ней, к Соне, проклятая ситуация выглядела. Киношной какой-то, книжной, наду-

манной была ситуация. Это там с брошенными мужьями женщинами начинают происходить всяческие чудеса: поплавав чуть-чуть, они красиво и гордо вскидывают голову, обретают себя заново, потом идут делать сумасшедшую карьеру, потом обязательно встречают новую красивую любовь – лучше прежней. Нет, это все не для нее... Она не готова, она абсолютно не готова, она будет так тихонько, затаившись, лежать, может, все само собой как-то и утрясется, разрешится, может, сейчас придет Игорь и все объяснит, и они посмеются все вместе, и забудут эти последние тяжелые для всех дни. А иначе и быть не может! Игорь же понимает, что она другая, не как все те женщины, которые обретают себя, делают карьеру, встречают новую любовь и далее, как говорится, по тексту...

И зачем она затеяла этот Мишкин день рождения! И дата у нее не круглая – 23 года, и не любит ее старшая дочка лишнего к себе внимания, и имени своего французского стесняется. В самом деле, ну какая она Мишель? Высокая, плотная, неуклюжая, с тяжелой походкой, вся в отцовскую основательную медвежью породу. И профессию себе дочь выбрала скучную – училась на факультете бухгалтерского учета в Финансовом институте. Училась, правда, хорошо, тянула на красный диплом. На день рождения пришла вся ее институтская группа – пятнадцать дружных хохотушек, радующихся любому поводу повеселиться, потанцевать, поболтать. Сколько ни напрягала потом Соня память, а так и не смогла вспомнить лица той девочки, Эли, которая фактически увела за собой с того дня рождения Игоря, ее мужа. Вот так легко и просто увела, не приложив особых усилий, не напрягаясь. Еще фамилия у нее такая специфическая... У нее даже мысль тогда промелькнула, как удачно содержание совпало с формой... Нет, а правда, какая же у нее фамилия, у этой юной незадачливой совратительницы?

Вспомнила! Бусина у нее фамилия. Маленькая круглая бусина, без всяческих опознавательных знаков и отличий. Весь вечер с такой бок о бок просидишь, потом на улице встретишь и не узнаешь. Она бы точно не узнала. А Игорь... Игоря с того самого дня она больше не видела. Ушел провожать Мишкиных гостей и больше не вернулся. Первые три дня она и не беспокоилась – мало ли, может, халтура какая подвернулась. Она вообще никогда не волновалась по поводу его длительного отсутствия. Так заведено было давно, с тех самых пор, как Игорь, потеряв постоянное место работы, стал заниматься частным извозом. Иногда и машину чью-нибудь подряжался перегнать в другой город. Всякое бывало. Можно сказать, он даже преуспел на этом тяжком поприще, то есть денег получалось добывать даже больше, чем на пресловутом и уныло «зарплатном» постоянном месте. Не пришел домой ночевать – значит, образовалась долгая поездка, значит, будут деньги. Такая вот у них меж собой была принята незыблемая установка. Даже мобильная связь в эту установку не вписывалась – не любил Игорь возиться с телефоном. И ей тоже казалось – так лучше. Незыблемость лучше любой мобильности. Другие скажут – ненормальная установка, очень странная и неправильная. И для нее, как для мужней жены, страшно легкомысленная. И тем не менее – было именно так, уже сложилось со временем, затуманилось привычкой к отсутствию беспокойства.

Так прошли первые три дня, потом еще три дня, потом еще три...

Хотя последние три дня прошли уже в беспокойстве, конечно же. Очень уж долгим отсутствием получалось. А вчера вечером Игорь позвонил и сказал, что не придет уже никогда. Что он ушел к той самой Эле Бусиной, у которой так удачно совпали форма и содержание, и лица которой Соня совершенно, ну совершенно не помнит, хоть убей! Сначала она ничего не могла понять, ее просто оглушил мужнин голос в телефонной трубке – резкий, неприязненный, осязаемый какой-то, будто его можно было потрогать руками. Впервые за двадцать пять лет их совместной жизни он разговаривал с ней таким голосом, который совершенно сбил ее с толку. Просто механически протараторил информацию, и все.

Растерявшись, она и не сообразила сразу, что и как надо сказать, молчала, лихорадочно подбирая слова. Попробуй, подбери их в такой ситуации, когда тебя вот так, из огня да в

полымя! Без подготовки! По телефону! А Игорь и ждать не стал, когда она их подберет. Положил трубку. И двадцать пять лет семейной жизни – коту под хвост.

А ведь через неделю и правда их юбилей, все-таки четверть века вместе, трех детей нажили... Говорят – даже свадьбу какую-то можно справлять. Серебряную, кажется. Может, он вспомнит и ему станет стыдно? Про свадьбу-то? Может, он одумается? Она была даже согласна на Элю – пусть будет, ей не жалко, ради бога! Но только где-то там, за пределами ее, Сониного, пространства, в качестве подруги, любовницы, в каком угодно качестве. Лишь бы он вернулся, лишь бы все было как прежде! И почему она так растерялась, услышав мужнин голос в трубке? Почему не объяснила ему всего этого? Ладно, мол, черт с тобой, я согласна на Элю Бусину. Вот он придет, она и объяснит. Просто и ясно. Да, надо просто подождать! Он придет, и все встанет на свои места. Надо ждать! Другого выхода у нее просто нет.

Найдя для себя таким образом точку опоры, Соня смогла встать с постели, и покурить, и выпить спасительную чашку крепкого кофе, и, наконец, умыться. Собственное отражение в зеркале ванной комнаты ничем не напугало, было тем же, привычно приятным: хорошо сохранившийся для ее возраста овал лица, гладкая белая кожа, пухлые капризные губы, озорные смоляные кудряшки красиво падали на лоб и щеки, создавая впечатление ухоженной «небрежной» прически. Вот только глаза были другими – исчезло из них выражение счастливой беззаботности, приятной лени, что, собственно, и придавало ее лицу, как считала сама Соня, особую прелесть.

Она вообще всегда была довольна своей внешностью, которой занималась тщательно и с удовольствием. Ей нравилось в себе абсолютно все. Нравилось, как в ее мальчишеской тренированной фигурке ловко устроилась и живет себе поживает ленивая природная грация зрелой женщины, нравилось ухоженное моложавое лицо, нравились черные кудряшки, нравилось удивленно-доверчивое выражение лица счастливого балованного ребенка. Собственная внешность всегда была предметом ее гордости, доказательством того, как правильно и мудро она устроила свою жизнь: никогда не занималась тем, что ей неприятно, и делала только то, что приносило удовольствие. Вот не нравится ей, к примеру, каждодневное навязанное общение, когда хочешь не хочешь, а ломаешь себя напряженной вежливостью, а нравится принадлежать только себе одной и никому больше. Так отчего ж не позволить себе такое удовольствие? И что делать, когда отчаянно хочется состояния беззаботности, когда никуда не надо торопиться по утрам, когда твое драгоценное время принадлежит тебе и только тебе? Так и дай себе эту беззаботность, в чем дело-то? Спи, читай, гуляй, собой занимайся. Делай как хочется! И отражение в зеркале обязательно ответит тебе взаимностью.

А хорошо выглядеть можно и без особых затрат – в этом она тоже была уверена. Тем более деньги на дорогие салоны и тренажерные залы в семейный бюджет не закладывались. Откуда им было взяться-то? Она не работала, а Игорь приносил в семью по большому счету немного, хватало только на то, чтобы свести концы с концами. Кстати, не такое уж это и плохое занятие – сводить концы с концами! Если заниматься им с увлечением. Отринуть от себя людские придумки про какие-то там обязательные материальные устремления и спокойно, никуда не торопясь, их сводить. А иногда и с азартом. Вполне можно массу удовольствий в этом занятии найти. Если все рассудить да распределить правильно, возложить на чаши весов желания и возможности... Ну вот сами посудите: зачем много и напряженно работать, суетливо зарабатывать деньги, чтобы потом много и без толку их тратить? И снова – работать? Какой в этом смысл? Не смысл, а беготня по кругу какая-то. А жить когда? Можно ведь и не напрягаться, не вставать в раннюю рань и не мчаться сломя голову на работу, где тебя еще и обхамит норovit каждый, а жить и жить себе спокойно, никуда не торопясь, не толкаясь в общественном транспорте среди таких же злобных и опаздывающих, не терять последние нервные клетки в автомобильных пробках, глотая удушливый газ во вред красоте и здоровью. А спортивный зал и косметический салон можно спокойно устроить у себя дома, делая под музыку те же

самые упражнения и намазывая на лицо те же самые маски и кремы. И вообще, как считала Соня, женская красота – это прежде всего выпавшееся лицо, отсутствие в жизни женщины хама-начальника и наличие у нее, у женщины, индивидуального личностного самопознания, которое не гонит из дому где-то и как-то из всех сил самоутверждаться. Самоутверждение и самореализация – это тоже людские придумки, между прочим. И довольно коварные, ибо всех без разбору толкают в свое варево греховного честолюбия. Нет, совсем даже необязательно каждому без разбору прыгать в это варево! Далеко не многие там выживают. Только счастливики, родившиеся с крепким характером да серебряной ложкой во рту. А менее счастливое большинство просто бултыхается в кипятке, не осознавая, что всего лишь улучшает качество бульона для этих «немногих». Она, Соня, например, это прекрасно осознает. Потому никуда и не торопится. И реализуется – для себя. Дома. Самостоятельно. Даже на кухне во время приготовления обеда. Создать, к примеру, изысканный кулинарный шедевр из самых тривиальных и дешевых продуктов – чем не пример самореализации?

А кстати, о продуктах...

Поднявшись с кухонного диванчика, на котором сидела, докуривая уже четвертую за утро сигарету, Соня заглянула в холодильник. Ну конечно, именно сейчас в доме и нет ничего, и денег тоже нет. Все имеющиеся у нее деньги она неделю назад потратила на очень дорогую и красивую замшевую куртку, которую хотела купить давно, которая изумительно шла ей. На одежде Соня никогда не экономила. Одежда – это было святое, это стояло особняком от принципа удовольствия «сведения концов с концами». Да что там говорить – это обстоятельство считалось чуть ли не главным условием ее душевного равновесия, таким же, как легкая девчья хитрость и идеальное состояние кожи. Соня была уверена, что ни дня не смогла бы прожить, будучи толстой, прыщавой и бедно одетой.

Она снова опустилась на диванчик и, беря из пачки очередную сигарету, почти насильно отогнала готовые вот-вот пролиться слезы. Пугливые горестные мысли снова заняли, закопошились в голове, опережая одна другую. Основной мыслью была, конечно же, прежняя, та самая, которая подняла ее из постели. Немного спасительная, под названием «нет, тут что-то не так». И впрямь, не может Игорь все бросить и уйти! Он же знает, что денег у нее нет совсем. Хотя – откуда? Не было у нее привычки ставить мужа в известность о своих расходах. И про покупку супердорогущей куртки она ему ничего не говорила, естественно. Но... Но он должен был предполагать, в конце концов! Или узнать хотя бы! Спросить, по крайней мере, есть ли у нее деньги на жизнь... Взял и бухнул в трубку – ухажу к Эле Бусиной! Надо же, какой ухарь-молодец, уходит он! Идиот! Смешнее и не придумаешь! Да он и увидел-то ее только у Мишки на дне рождения! Или... нет? Может, она, Соня, как всегда, что-то пропустила? Скорей бы Мишка пришла, она ж с этой Элей в одной группе учится. Хотя в последние дни наглая девчонка в институте не появляется... Чует кошка, чье мясо съела. Но не вечно же ей занятия пропускать. Придет – и на Мишку нарвется. А Мишка, она такая. Она в облаках в отличие от матери не витает. Уж она прижмет эту Элю к стенке. Вступится за униженное материнское достоинство...

Нет, ну почему она вечно ничего не видит, не замечает! Живет, как ребенок-индиго, в своем мире, совсем расслабилась. Надо ж хоть иногда вокруг себя озираться, так все на свете проглядеть можно. Нет, надо действовать немедленно и решительно! Надо вернуть мужа на свое законное место! Иначе она пропадет. Точно, пропадет! Потому что другой жизнью жить просто не умеет. Там, в котле с общим варевом, – не умеет.

Соня подтянула к себе худ, ые колени, обхватила руками, сидела, замерев, уставившись на холодильник, будто гипнотизировала его широко открытыми глазами. Нет, что происходит, в самом деле? Она с таким огромным трудом наладила свою жизнь, подтянула ее под себя, пристроила, жила ею целых двадцать пять лет – и вот на тебе. Полный провал. Катастрофа. Нет, не мог Игорь так с ней поступить. Он же все про нее прекрасно знает. И про все ее про-

блемы знает. И про все страхи. И про все возможности и невозможности нормальной «людовой» жизни...

Ну да, да, она женщина с проблемами. С «врожденными признаками чрезмерно выраженной интроверсии». По крайней мере, таким способом когда-то попытался объяснить врач-невропатолог перепуганной Сониной матери странное поведение ее трехлетней дочери в детском саду. Девочка, то бишь она, маленькая Соня, не играла и не смеялась, не плакала и не дралась, как все нормальные дети, а, судорожно сжавшись, сидела в уголке и со страхом наблюдала за орущим и копошащимся детским коллективом, как чуждым и непонятным ей зверем, который может наброситься и съесть, если подойти к нему слишком близко. Так просидела она месяц, другой, третий... Не плакала, не просилась остаться дома, каждое утро безвольно давала себя раздеть и переступала порог группы, спала и ела по часам, безропотно подчиняясь режиму, как маленький узник, потерявший надежду на свободу. А на исходе четвертого месяца слегла с высокой температурой. Просто лежала, вытянувшись в струнку, и горела, как печка. Врачи так и не нашли симптомов ни одного детского заболевания, и только доктор Левин, врач-невропатолог, старый и умный еврей, определил, что девочка «не садиковая», проблемная, и попытался растолковать матери что-то про защитные функции организма, про особое отношение к ребенку... «Она что, ненормальная?» – с ужасом допрашивала врача мать. «Ну почему – ненормальная... Просто будут трудности в общении, она будет отличаться от других детей, но к этому можно приспособиться. Она не такая, как все дети, понимаете? Пусть пока побудет дома, отдохнет, не водите ее в детсад. А через полгодика приводите ко мне, подумаем, поможем...»

Ни через полгода, ни через год Соню к доктору Левину больше не повели. И Соня осталась дома. Одна. С трех лет. Это было замечательно! Отец в то время работал лесничим, усадьба была расположена на окраине большого села, в лесу, среди огромных старых берез. Соня помнит, как часами стояла среди деревьев, слушая шум ветра, наблюдая за движениями гибких веток, растворяясь в игре света и тени, счастливо сливаясь в единое целое с небом, с деревьями, с травой, с солнцем. Мать, наблюдая за ней исподтишка, только плечами пожимала в недоумении. Не ребенок, а монашка малолетняя. Отшельница-созерцательница. Смеется сама с собой, лепечет чего-то под нос. Ну да не болеет и ладно.

Потом в ее жизни появились книги. Чтение было для нее даже не развитием, не потоком информации, а продолжением мира счастливого одиночества. Соня брала наугад любой том из большой отцовской библиотеки, с волнением пробегала глазами первую страницу. Определяла – какова она на вкус? Так и выработались постепенно свои пристрастия – книги делились на «вкусные» и «невкусные». «Невкусную» книгу распознавала сразу, как музыкант распознает фальшивую ноту, и откладывала в сторону. Среди «вкусных» оказались произведения Чехова, Толстого, Пушкина, Куприна, Лескова, Пришвина... Она могла читать сутками, засыпала с книгой в обнимку, перечитывала несколько раз уже прочитанное. Так и жила себе тихо, как мышка, не доставляя родителям хлопот. «Вся в отца пошла, тоже неудачницей будешь, – ворчала мама, отбирая у Сони книгу. – Ему позвол, он так же будет читать целыми днями и ничего не делать». Соня жалела отца всем своим маленьким сердцем, забившись в уголок дивана, горячо переживала родительские ссоры, а потом тихонько брала в отцовской библиотеке первый попавшийся под руку том из зачитанного синего чеховского восьмитомника, садилась в тот же уголок и погружалась вся, до макушки, в любимое повествование, ничего больше не видя и не слыша. Привязанность к этому синему восьмитомнику осталась у нее на всю жизнь, как привычка, как средство первой помощи в обретении так необходимого ей душевного равновесия: нужно только протянуть руку, открыть любую синюю книгу и окунуться в спасительную музыку чеховского языка, в его неповторимую спокойную иронию, и душа благодарно возвращается на свое законное место, вытесняя смутную тревогу и страх.

А потом началась пытка школой. «Доченька, это ж не детский сад, куда можно вообще не ходить! – уговаривала рыдающую Соню мать. – Ты не бойся, ты же у нас умненькая. Да еще и начитанная такая... Да тебе эта школа – тьфу! Помнишь, как доктор говорил? Ты не такая, как все... Пусть они бегают и кричат на переменках, а ты сиди себе спокойно, не обращай внимания! А хочешь, книжку читай!»

Постепенно, день за днем Соня смирилась с каждодневной необходимостью отрываться от дома, от любимых книг и ходить в ненавистную школу. Училась она и впрямь легко, была в классе единственной отличницей и даже каким-то образом сумела абстрагироваться от общественной школьной жизни. То есть ни в чем и никогда не участвовала – на пионерских диспутах не высказывалась, металлолом и макулатуру не собирала, с одноклассниками о мальчиках не сплетничала. После школы бегом неслась домой, в свои спасительные стены, к своим книгам, к большим березам, к тихому уютному одиночеству. Шла и шла ее школьная жизнь своим чередом, особо не утомляя. Мать оказалась права – все можно пережить. Можно отсидеться и на дурацких пионерских сборах, и на занудных комсомольских собраниях. Все можно пережить, только не уроки литературы! Оказались они для бедной Сони настоящей ахиллесовой пятой, и довольно мучительной. Просто ужасно, ужасно ей обидно было за классиков! Ну зачем, скажите на милость, надо заставлять Кольку Семенова и Пашку Рогова тупо пересказывать текст из учебника про лишнего человека Печорина или учить наизусть «Памятник» Пушкина, если они этого не хотят? Это же глумление над святым получается! Колька с Пашкой с таким удовольствием обсуждают вчерашнюю дискотеку, кто как оторвался и сколько выпил дешевого портвейна, и пусть обсуждают на здоровье, если им это интересно! Классики-то тут при чем? Разве Колька с Пашкой вдумаются когда-нибудь в смысл просто зазубренных, как таблица умножения, на одном дыхании проговоренных куда-то в пустоту строк: «...Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца...» Да никогда не вдумаются! Никогда им не нужен будет ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов! Они прекрасно проживут и без них, и не надо заставлять их рассуждать про любимых ею Илюшу Обломова, Наташу Ростову, Петра Гринёва... Это же слушать просто невозможно, китайская пытка какая-то!

Тихая гордыня так сильно ворочалась где-то в солнечном сплетении, что Соня начинала испытывать что-то вроде ненависти к незадачливым одноклассникам. Это они, что ли, нормальные дети, а она, получается, ненормальная? Это она – с «признаками чрезмерно выраженной интроверсии» и с «проблемами общения»? Да на черта ей вообще сдалось такое общение! И пусть невропатолог доктор Левин и дальше клеит ей ярлыки, и пусть она будет белой вороной-тихушницей среди бойких «нормальных» одноклассников, она согласна! Главное, чтобы никто ее внутреннего негодования не заметил, а то накинута и заклюют всей «нормальной» стаей...

Так она потихоньку злилась и возмущалась, и держала свой протест внутри, и писала, как все, правильные сочинения, где клеймила за леность любимого Илюшу Обломова и восхищалась подвигом Павки Корчагина, которого, если честно, терпеть не могла. А что было делать? Нельзя же обнаружить, что ты другая, не такая, как все, иначе всплывет ненавистное клеймо, и мама расстроится...

Со временем, взрослея, Соня все же приняла для себя некое компромиссное решение: без Пашек и Колек, без общения с ними ей не прожить. Тем более что к своим семнадцати годам она превратилась в очень хорошенькую девушку. Черноглазая, кудрявая, яркая, исключительным вниманием к себе Пашки, и Кольки, и других мальчишек она пользовалась напропалую, позволяя водить себя в кино, принимая ухаживания с достоинством графини, продолжая хотя бы таким образом жить своей книжной жизнью. Постепенно Соня научилась достаточно четко определять для себя границы мирного сосуществования со своим врагом, этим хамским, опасным, кричащим, требовательным окружающим миром, название которому – люди. С годами в ней даже привычка некая укоренилась – к снисходительности. Принимая внешние правила

игры, внутри себя она лишь вздыхала да пожимала плечами – куда от вас, от людей, денешься... Вы – люди, вас – много. И потому – банкуйте. А я – что? Я и подыграю, выкупив тем самым свою внутреннюю свободу. В эти правила игры удачно вписались и учеба в институте, и замужество, и большая семья. Все так, как у всех. И даже лучше. Для нее – лучше.

С Игорем она познакомилась, будучи студенткой второго курса инженерно-строительного института, куда поступила по настоянию мамы. И в самом деле, куда было поступать? Не в педагогический же, чтобы мучить потом любимыми классиками всяких оборотов.

Была обычная студенческая вечеринка по поводу только что сданного экзамена, вся их группа дружно накачивалась розовым портвейном дома у одного из однокашников, потом к их компании присоединился Игорь, знакомый однокашника, случайно зашедший в гости. Соня сразу почувствовала на себе робкий, но весьма заинтересованный взгляд этого большого неуклюжего молчаливого парня. И даже не сказать, что взгляд был заинтересованным. Скорее он был изумленно-восхищенным. Таким восхищенным, что у Сони тут же появилось искушение расправить крылышки и показать себя во всей красе интеллекта. Абсолютно для него недостижимого. Была, была в этом своя прелесть... Парень-то явно из простых. Она сразу заметила, как неуютно ему среди них, получающих высшее образование, пьяных и беззаботных. Он был совсем из другого мира, из той жизни, где не читают книг, где не знают студенческих радостей, где зарабатывают на жизнь тяжелым физическим трудом. Потом, ночью, они всей гогочущей толпой возвращались пешком в свое студенческое общежитие, и Соня понимала, что Игорь идет вместе с ними только из-за нее, и опять ловила на себе этот теплый осторожный взгляд. Изумленно-восхищенный.

Потом Игорь встретил ее после лекций и на следующий день снова стоял на том же месте, большой, покорный, молчаливый, влюбленный. Они гуляли, как и полагается влюбленным, до рассвета, и Игорь всегда шел на полшага сзади, и слушал, и молчал, и смотрел восторженно. А она болтала – вкусно, ненасытно, взалхев, выплескивая из себя тщательно припрятанное. То, о чем говорить нельзя никому. О своем отшельническом детстве, о докторе Левине, о березах, об отцовской библиотеке, о синем чеховском восьмитомнике. И даже, черт возьми, о своих тайных принципах мирного сосуществования с опасным и хамским миром людей. Наверное, вряд ли Игорь понимал ее тогда. Может, и не слышал даже. Просто кивал головой да излучал обожание. Ох, какой же оказалось приятной штукой это искреннее мужское обожание! Как теплое одеяло холодной ночью. Можно завернуться в него с головой, согреться и спокойно уснуть. Крепко, без тревоги. Без страха быть разоблаченной.

Всего через месяц таких встреч Игорь Веселов сделал Соне предложение. Ни минуты не задумываясь, она согласилась, конечно же. Повезла Игоря домой, к матери, знакомиться. Мать лишь плечами пожала – жених ей явно не понравился. Медведь неотесанный. Ни экстерьеру, ни высшего образования, ни копейки за душой. На ее тихий удивленный вопрос: «Влюбилась, что ли?» – Соня лишь рассмеялась снисходительно. Нет, интересная у нее мать женщина – про любовь заговорила, надо же! Какая такая любовь, если стоит у тебя за плечами «врожденный признак чрезмерно выраженной интроверсии»? Если ты живешь и от людей шарахаешься как очумелая? Если приходится все время быть настороже – вдруг эти самые люди догадаются, что ты их боишься? Только она одна знает, как это тяжело – все время быть настороже. Какое это огромное напряжение. Как у актера на сцене. Но актеру что? Отыграл свой спектакль и можно за кулисами спрятаться. А ей куда спрятаться? Вот и приходится искать свои кулисы. В лице хорошего мужа. С ним хоть расслабиться можно. И спрятаться, как за каменной стеной, пусть это и звучит тривиально. Можно выглядывать из-за этой стены и показывать фигу врагу. Тому самому – хамскому и опасному. Кричащему, злобному, требовательному. Фигу ему, фигу! Не будет она больше под этот мир подстраиваться! Хватит с нее!

Подстраиваться, правда, поначалу все-таки приходилось, потому что молодая семья Веселовых поселилась дома у Игоря, в двухкомнатной квартире, вместе с его мамашей и млад-

шим братом. Сониная свекровь была женщиной простой, работала лаборанткой на молочном заводе, воспитывала сыновей одна, в строгости, в честной бедности, в аккуратности. Невестку приняла хорошо, называла доченькой и Сонюшкой, искренне пыталась дружить, учила хитростям экономного и безотходного ведения домашнего хозяйства и очень огорчалась, когда невестка, вежливо выслушав очередной урок, быстренько скрывалась в своей комнате. Потом нежелание невестки жить одной семьей стало вызывать раздражение, потом неприязнь, которая так и не успела перейти в злобу: весной свекровь скоропостижно скончалась от инсульта, так и не успев увидеть родившуюся двумя неделями позже внучку. Младший брат Игоря, Сашка, такой же молчун и увалень, в это время проходил службу в пограничных войсках где-то под Уссурийском, на похороны матери приехать не смог. После службы домой не вернулся, остался жить в тех краях, женился, удачно занимался каким-то небольшим бизнесом и о себе напоминал лишь редкими переданными с оказией посылками с необыкновенно вкусной рыбой и домашнего засола икрой, да еще безотказными денежными займами, возврата которых никогда не требовал.

Соня рожала Мишель на удивление легко. Схватки начались аккурат под песенку про Мишель, которую громко и с назойливым постоянством распевали голоса Битлов с заезженной пластинки из окна напротив. Ожидая приезда «Скорой», заявила мужу сквозь капризные слезы – родится девочка, назовем ее Мишелью! Игорь был не против, конечно. Он всегда и во всем радостно с Соней соглашался. Мишель так Мишель. Пусть будет Мишель. Лишь бы роды прошли хорошо.

Казалось, ребенок и сам не хотел доставлять лишних хлопот ни матери, ни врачам. Спокойно появился на свет, покряхтел деликатно. И потом, оказавшись дома, малышка не доставляла Соне особых хлопот. Даже проголодавшись, плакала тихо, неуверенно, будто извиняясь за причиненные неудобства, будто понимала, сколь трудно дается матери высшее техническое образование с его сопроматами и мудреными чертежами. Соня к своему материнству отнеслась ответственно, строго по часам кормила грудью, как и положено добропорядочной матери, раз в месяц показывала ребенка детским врачам. Но, отдав положенное для обихода младенцу время, поскорей старалась уложить спать, с нетерпением трясла кроватку. И трехмесячный ребенок, будто понимая, чего от него хотят, виновато таращился из кружевного чепчика, потом покорно и надолго засыпал. Росла девочка покладистой, послушной и робкой, часами могла играть самостоятельно, внимания к себе не требовала, и через пять лет, когда родилась Сашка, добровольно превратилась в отличную няньку: возилась с сестрой с упоением, словно отдавала в двойном размере ей ту необходимую маленькому ребенку любовь, которую сама недополучила в младенчестве. И это пришлось как нельзя кстати, поскольку Сашка в отличие от сестры с кротким нравом не уродилась, была беспокойной, излишне требовательной, кричала так громко, что голова шла кругом не только у Сони, но и у всех соседей. Соня жила с постоянной головной болью, не высыпалась, устраивала истерики Игорю, который и без того сбивался с ног, чтобы прокормить свое растущее семейство. Сашка будто мстила матери за то, что та родила ее по собственному расчету. А как же? Получив диплом, она, как молодой специалист, по неписаным и писаным законам того времени должна была обязательно приступить к общественно-полезному труду. Она и приступила, только хватило ее ненадолго. Инженер-строитель из нее получился плохой, Соня постоянно где-то ошибалась, работу свою со временем возненавидела, в коллектив вписаться не смогла. Поэтому во второй свой декретный отпуск ушла с огромным облегчением, как ей казалось, разом решив все проблемы: сидеть дома, читать книжки, ждать мужнину зарплату и гулять с коляской по улице было гораздо спокойней, чем переживать по поводу неудавшейся карьеры. Она и предположить не могла, что, выбравшись из пеленок, Сашка превратит ее жизнь в кошмар. В нее летели тарелки с кашей, в доме всегда было все перевернуто вверх дном, в людных местах устраивались концерты с визгом, истериками, паданием на землю. Сашка требовала положенной ей любви, требовала Соню

всю, без остатка, и маленькая Мишель проявляла чудеса изобретательности, чтобы отвлечь ее от матери, бросалась на амбразуру, жертвуя своими детскими радостями, отвлекая Сашкино внимание на себя. С годами Мишель так вошла в роль, что постепенно полностью заменила своей неугомонной сестренке мать. Она первая и заметила странную Сашкину особенность: девчонка все время танцевала, под любую музыку. Без милого детского подражания, а вполне осмысленно. Были тут и плавный прогиб спины, и гордое вскидывание головы, и даже томное заламывание рук. Все по-взрослому. Как у «больших». Она не играла в куклы, не интересовалась книжками и мультфильмами, казалось, все это ей заменяет постоянная потребность в движении под музыку. Соня, глядя на нее, вздыхала с легкой досадой – надо ж было что-то делать с этим явлением, пристраивать его куда-то...

Когда Сашке исполнилось шесть лет, она привела ее в детскую студию при театре оперы и балета. Девчонку приняли сразу и довольно охотно, вне конкурса. Тоже разглядели в ней что-то. И все бы это было очень хорошо, конечно, если б не сопутствующие этому обстоятельству огромные проблемы, которые ворвались в Сонину жизнь вместе с заботами о белых маечках и юбочках, тапочках и носочках, правильном распорядке дня и особом питании для юной танцовщицы. А время! Как приходилось безбожно-тревожно тратить время, чтобы не опоздать на занятия! Час на дорогу – туда, час на дорогу – обратно. И надо же еще сидеть и ждать по три часа, неприкайанных и утомительных, когда Сашка отзанимается в своей студии. Считай – весь день и прошел. Любимое состояние беззаботности грозило махнуть на прощание ручкой и улететь без возврата.

И опять ее выручила Мишка – спокойная, рано повзрослевшая старшая дочка. Соня и сама не заметила, как обязанность водить Сашку в балетную студию полностью перешла к ней. Тем более даже свои плюсы из этого положения образовались. Девочки возвращались домой поздно, и их практически ежевечернее отсутствие Соню вполне устраивало. Потому что можно побыть одной, «посидеть» внутри у самой себя, почистить слежавшиеся перышки несчастной «ярко выраженной интроверсии». А что с ней делать, если она есть, если она врожденная? Ничего и не делать...

Потом, со временем, Соня и ее дочери вообще будто разбились на два противоположных лагеря, живущих по принципу мирного сосуществования: одна комната – большая – являлась Сониной неприкосновенной территорией, другая же – поменьше – территорией дочерей. Лишь изредка Соня, словно спохватываясь, виновато заглядывала к ним в комнату, чтобы задать несколько риторических вопросов о том, все ли у них в порядке, и сама постановка этих вопросов уже не предполагала отрицательного ответа. «Да, мамочка, все в порядке», – в два голоса бодро отвечали девочки, будто соблюдая некий ритуал по подтверждению наличия у Сони ее материнского статуса. Конечно, Соня не забывала про свои обязанности матери и хозяйки, готовила еду, стирала и гладила детские вещи, раскладывала по полочкам, никуда не торопясь, сочетая домашние хлопоты с прогулками по магазинам, чтением, аэробикой, йогой, травяной ванной, маской для лица, телевизором... Да мало ли на свете приятных дел, когда никуда не надо торопиться и трястись от страха сделать что-то неправильно, когда дети не доставляют тебе особых хлопот!

А Машку Соня вообще привезла из отпуска. Она отдыхала одна в сочинском санатории, и случился у нее бурный красивый роман с прогулками на яхте, морем цветов, шампанским, ночными купаниями голышом и страстными объятиями. И банально, и смешно, и грустно... И неожиданно как-то. Она и сама не поняла, чего это ее так... обнесло. Вообще-то она собиралась быть верной женой Игорю, навсегда и навеки. Хотя и умела нравиться мужчинам. И даже определенные усилия для этого прикладывала, определенно своекорыстные – надо же как-то утверждаться в мысли о своей женской состоятельности! Но дальше самих по себе усилий дело не заходило. Уверилась в том, что понравилась, и – стоп, уважаемый чужой мужчина! Чужой, он и есть чужой, и кто там разберет, что у него на уме... Может, он как раз и оттуда, из хам-

ского мира? Зачем так рисковать? Спокойный и отлаженный семейный мир – он надежнее. Там теплое одеяло и каменная стена.

А в Сочи... То ли южный влажный ветер унес на время ее осторожности и страхи, то ли она по-настоящему влюбилась, но с ней произошло чудо: целых две недели она жила совершенно другой жизнью, наполненной незнакомым ей состоянием. Наверное, это была любовь. Та самая, из другого мира. Враждебного и хамского. По крайней мере, на книжную любовь она точно не походила. Слишком уж... плотская была. Можно сказать – яростно плотская. И не сказать, что Игорь в этом смысле был худшим партнером, но... Все равно это было – не то. Да, все-таки она это была – любовь...

Позже, уже дома, поняв, что беременна, она решила оставить этого ребенка, несмотря на критический для родов возраст и на явное отсутствие материальных возможностей. Этот ребенок был для нее доказательством чего-то, а чего – она тогда и сама не понимала. Скорее всего – пусть и призрачным, но доказательством возможности другой жизни, настоящей, какая бывает у других людей, с искренней любовью, а не с каменной стеной, одеялом и надежным тылом. Так родилась Машка, маленький кудрявый конопатый ангел, которому, в конце концов, были рады все, и Игорь, и Мишка с Сашкой, и которому пришлось донашивать все детские вещи старших сестер, бережно сохраненные Соней, и, подрастая, потеснить их в девичьей комнате, войдя в общий ритм ее немного странной семьи, присоединяя свой тонкий голосок к общему бодрому ритуальному ответу: «Да, да, мамочка, у нас все хорошо, у нас все в порядке, мамочка...»

А Игорь все работал, выбиваясь из сил. Надо ж было как-то кормить большое семейство! Тем более сам хотел, чтобы было много детей... Хватался за любую халтуру днем, ночами бомбил город на своем стареньком «жигуленке», купленном на братовы деньги. И крайне редко бывал дома, осознавая, наверное, лишь наличие у него семьи, а не себя в ней, любя всех заочно, практически без каждодневного общения, зато преданно и искренне. Соня голову могла дать на отсечение, что он любил их именно так – преданно и искренне! Он сам так хотел, сам выбрал именно эту дорогу! Тем более в жизни его, по сути, ничего и не изменилось, с детства привык жить в трудах и бедности. Да, в трудах и в бедности! Кто ж виноват в том, что труды его оказались такими... незадачливыми? Соня-то уж точно не виновата. Она и не упрекала его никогда. Наоборот, изо всех сил старалась, чтобы эта бедность выглядела уютной, с налетом некоторой духовности. Все шкафы в доме книгами забиты, между прочим. На стенах репродукции импрессионистов висят. На диване – плед вязаный, ярко-желтый, собственноручно ею исполненный. И колокольчики «музыки ветра» по всей квартире... Ветер из форточки подует – они бултыхаются, звенят нежно... Ну что, что она могла еще сделать? Что еще ему нужно было? Есть где жить, есть ради кого жить, есть на чем ездить... Не так уж и мало, между прочим, чтобы чувствовать себя реализованным. Все, все у него было!

Между прочим, даже и дача была, если можно назвать дачей домик-развалюху в деревне, доставшийся Игорю в наследство от деда с бабкой, куда она, Соня, переселялась на лето вместе с девочками. Господи, как там было хорошо, на даче! По-настоящему – ее стихия. С прогулками по лесу, с рассветами и закатами, с переплетением солнечного света в ветвях старой липы во дворе, за которым можно наблюдать бесконечно, сидя с чашкой кофе и сигаретой по утрам на крылечке, с зарослями лопухов и мать-и-мачехи вдоль забора, с обязательной субботней банькой... Игорь приезжал к ним на выходные, с Мишкой вдвоем поливал и полыл грядки, что-то делал по хозяйству, никогда Соне не мешая, как обычно, как было всегда на протяжении этих долгих счастливых лет...

Снова всхлипнув, она схватилась за голову, горестно начала раскачиваться, сидя на узкой кухонной скамье. Воспоминание о даче совсем доконало ее. Какая красивая, какая счастливая была у нее жизнь! Дурацкая, вывернутая наизнанку, но – счастливая же! Господи, ну зачем, зачем она затеяла этот Мишкин день рождения? Никогда его не справляли, а тут... Что это ей в голову вдруг пришло?!

Мишель

Привычка никогда не смотреть на себя в зеркало появилась у нее с детства. Нельзя сказать, что была она совсем уж равнодушна к своей внешности, просто чего в него смотреться-то, в это зеркало? Лучше все равно не станешь. И такой красивой, как мама, не станешь, и такой грациозной, как Сашка, тоже.

«Мишка вся в отцовскую породу пошла. Вырастет, станет такая же большая и косолапая, – смеясь, говорила во дворе мама соседке тете Наде, держа ее, пятилетнюю, за руку. – И будет у нас не девочка, а Мишка косолапый! Да, дочь?»

С тех пор она стала бояться подходить к зеркалу. Вдруг и правда она такой вырастет? А ей хотелось быть похожей на маму – красивую, нарядную, умную... Вот если б она стала такой, мама бы, наверное, больше ее любила. А как можно любить косолапого медведя? Да никак! Но она будет стараться изо всех сил, будет помогать, будет всегда послушной и доброй девочкой, и тогда мама ее полюбит, обязательно полюбит!

С этого заклинания, сколько она себя помнит, и начиналось практически каждое утро. Надо быть хорошей. Надо быть послушной. Надо быть доброй. Надо быть полезной для мамы. Для хрупкой, нежной, ранимой, бесценной и любимой мамы. В привычку вошло. Второй натурой стало. Вот интересно – отчего это недолюбленные дети так болезненно любят своих матерей? Вроде наоборот должно быть...

В это грустное апрельское утро она привычным уже движением, не глядя на себя в зеркало, заколола собранные на затылке волосы и, поглядывая на часы, тихо прокралась в ванную, потом в прихожую, надела куртку, осторожно закрыла за собой дверь. На кухню выходить не стала, чтобы не разбудить маму. Пусть спит подольше, вчера совсем расклеилась... Хоть бы сегодня Элька пришла на занятия! Обязательно надо сегодня же ее изловить. И про отца все узнать. А лучше – пусть Элька ее к отцу отведет. Пора уже все по своим законным местам расставить, прекратить это недоразумение. Он не мог так поступить с мамой, не мог! Он никогда не был ни решительным, ни жестоким. Мама что-то не поняла из телефонного разговора, наверное. Он же ее любит, всегда любил. Он права не имеет ее не любить. Какая тут может быть Элька?!

Хотя – кто его знает... Наверное, она в этой ситуации не догоняет чего-то. Раздваивается все внутри от этой непонятной ситуации. Еще тогда, третьего дня, когда увидела около института Эльку с отцом в машине, и началось это странное раздвоение. Сидят, главное, целуются! А самым удивительным было то, что эта картинка ее вроде и не оскорбила никак. Скорее – наоборот. Она даже некоторым образом была горда за отца. Каков! Молодую деваху соблазнил, ее однокурсницу! Тем более ей тогда показалось, что мама не имеет к этой картинке никакого отношения. Она сама по себе существует, а картинка – сама по себе. Она не мамина, она отцовская, эта картинка. Просто стояла и смотрела заворуженно, как Элькины руки цепко сошлись на отцовском затылке. И оторваться не могла. Нет чтобы сразу задуматься, чем это маме грозит... Но вот, ей-богу, даже мысли подобной в голову не пришло! Ну, похулиганил немного отец, подумаешь. Капельку хулиганства он наверняка заслужил...

Она всегда очень жалела отца, жалела всем сердцем. Соскакивала с постели среди ночи, услышав его возню в коридоре, бежала на кухню, чтобы покормить после трудной «бомбежки». Сидела рядом, смотрела на рано постаревшее его лицо, серые небритые щеки, запавшие тусклые глаза, вдыхала запах бензина, усталости и заботы. Пока он ел, рассказывала о своих новостях, обсуждала Сашкины и Машкины проблемы. Ему первому рассказала она и про Димку, своего друга, студента медицинского института, с которым встречалась вот уже три года. «Пап, он говорит, что любит меня... Неужели меня, вот такую неуклюжую, можно любить?» – как-то спросила она у отца на очередных ночных посиделках. Отец странно и долго смотрел на нее,

потом, глядя по распушенным волосам своей большой ручищей, тихо сказал: «Только таких, как ты, и можно любить. Ох и свезло же твоему Димке, вот свезло! Знаешь, как говорят? Не у всякого жена Манька, а кому бог послал...»

Димка был, как считала Мишель, подарком судьбы: и любимым мужчиной, и другом, и личным психоаналитиком, и нуждающимся в ее заботах младшим братом. Внешне он выглядел вовсе не казистым, был невысоким, щуплым, сутулым, носил большие очки с дурацкими серо-голубыми стеклами, не разбирался в моде, но в то же время, как говаривала мама, был настолько притягателен интеллектом, что его внешность отходила куда-то на задний план. В пылу спора он резким движением снимал свои громоздкие очки, и тут же в собеседника выплескивался такой необузданный свет внутренних позитивных эмоций, что уже и в голову не приходило называть этого парня некрасивым. Она очень гордилась им в эти моменты! И внутри будто ёкало что-то, и глаза бежали по лицам радостью – смотрите, какой у меня классный парень...

За три года они ни разу не поссорились, принимали друг друга полностью и без условий. Длинных разговоров о любви не вели, просто признавая обоюдную необходимость их совместного будущего, которое должно автоматически и счастливо продолжиться в городе Мариуполе, откуда Димка был родом, где жили его родители, потомственные врачи, и куда он должен был вернуться через два месяца, потому что ровно два месяца оставалось до получения его медицинского диплома и традиционного произнесения клятвы Гиппократу.

К ее семье Димка относился очень настороженно, не пытался ни обсуждать что-либо, ни давать оценок, но Мишель видела, что он многого в их отношениях не понимает и вопросов не задает из вежливости. По Димкиным рассказам она знала, что его собственные родители очень любят друг друга, что живут вместе с его старшими братом и сестрой и их семьями в большом доме на берегу Азовского моря, который строили всей семьей несколько лет и в котором для них уже была приготовлена отдельная комната на втором этаже с балконом, с видом на большой сад и море. Мысль о том, что по утрам она будет просыпаться рядом с Димкой, да еще из окна видеть море, приводила ее в легкий трепет, и приходилось покуда гнать ее от себя, чтобы, не дай бог, не сглазить.

А вдруг и впрямь – сглазила? Вдруг отец на самом деле решил их бросить? Она же не сможет тогда уехать ни в какой Мариуполь, не сможет оставить маму одну с Сашкой и Машкой... Нет, надо уговорить отца передумать! Он же не может допустить, чтобы Димка уехал без Мишель, чтобы она мимо счастья прошла. И пусть это на шантаж смахивает – все равно! Сам же говорил что-то такое про жену, которая Манька и которую бог послал...

Увидев в институтском коридоре Эльку, она так ринулась ей навстречу, что та поначалу шарахнулась испуганно, даже лицо прикрыла ладонями на всякий случай. Потом, правда, ладони от лица отняла, стояла, вжавшись в стену, моргала, как слепая. И долго не могла понять, чего от нее хочет Мишель. А поняв, торопливо и радостно закивала – да, да, конечно! Конечно, мол, тебе надо с отцом поговорить, он должен за мной к концу лекций подъехать... Только не к институту, а на бульвар... Звучал Элькин лепет очень уж неказисто. Вроде того – не виноватая я, он сам пришел. И все Элька норовила ладони к лицу поднять, будто возмездия ожидала. Вот дура. Кто ж ее бить собирается?

На бульвар к пяти часам они отправились вместе. Молча шли. Элька – впереди, она – на полшага сзади, как арестант и конвоир. Даже немножко жалко Эльку было, слишком уж она заполошно на Мишель оглядывалась. Вообще она всегда была ей симпатична, деревенская толстушка Элька. Румяная, как свежая булочка, открытая, добрая. Казалось, веселое горячее здоровье так и прет из нее наружу. И никакой женской коварности в ней вроде не наблюдалось. Фактура не та для коварности. А тут, поди ж ты...

Она увидела отца издалека. Сидел на бульварной скамейке, подставив солнцу лицо и закрыв глаза, улыбался блаженно. И не вспомнить даже, когда он последний раз так улыбался.

Посмотришь со стороны – все у человека хорошо, жизнь вполне удалась. Элька, пробормотав что-то про «подойду попозже», деликатно исчезла в двери первого попавшегося магазина.

Подойдя, Мишель села на скамейку рядом, тихо позвала:

– Пап...

Отец испуганно встрепенулся, зачем-то огляделся по сторонам, воровато втянул голову в плечи, потом, будто устыдившись, с видимым напряжением растянул губы в улыбке, робко глянул в глаза:

– Мишк, привет... Ты как меня нашла...

– Элька привела.

– А, ну да...

– Ты чего, скрываешься от нас, пап? Глупо же.

– Да нет, я не... В общем, так получилось, доченька. Я и сам не ожидал, что на такое способен... Не знаю я, чего тебе говорить. Не мастак я такие разговоры разговаривать, ты же знаешь.

Мишель смотрела на него и не узнавала. Видела, что ему совсем, ну совсем не хочется с ней объясняться. Сидит, мучается неловкостью, в глаза не смотрит. Эта его неловкость, колючая, стыдливая, безысходная, вдруг и ее саму накрыла с головой – колотьем побежала по горлу, образовав противный слезный комок, который проглатываться ну никак не хотел, а совсем даже наоборот, норовил все больше увеличиться в размерах. Дышать – ни туда ни сюда. Поговорили, называется.

Глянув наконец ей в лицо, отец дрогнул желваками, нервно затряс коленкой. Снова заговорил, с силой выдавливая из себя слова:

– Мишенька, ты осуждаешь меня, и осуждай! И правильно! Наверное, так и надо. Подлец я, наверное. А только... Понимаешь, я уже не смогу жить, как раньше. Я кончился, понимаешь? Вот так резко взял и кончился! Черт его знает, как это вышло, объяснить не могу...

– Ой, да чего там объяснять... В Эльку влюбился, вот тебе и все объяснения... – тихо прогундосила Мишель сквозь застрявший в горле ком и провела дрожащей ладонью у себя под носом.

– Нет, Мишка. Эля тут ни при чем. То есть она при чем, конечно... Только не в ней одной дело. Понимаешь, я прежней жизнью больше жить не могу. Ну не могу, и все тут! Я умру, если... А я жить хочу! Я хоть немного пожить хочу. Как человек.

– А с мамой что, не жил?

– Нет. Не жил. Я двадцать пять лет обеспечивал мамин покой, но не жил. Хотя как это назови, только не жизнью. А сейчас я живу уже целых девять дней!

– Пап, а разве это так ужасно – обеспечивать покой человеку, который в тебе уверен, которому ты необходим... Который без тебя погибнет, в конце концов! По-моему, это благородно, а совсем даже не ужасно...

– Нет, это не ужасно. Просто когда-то наступает предел. И благородству, как ты говоришь, тоже. Миш, я не буду ничего объяснять, ладно? Ты просто прими это как факт. И живи своей жизнью. Выходи замуж, уезжай, детей рожай. Он хороший парень, этот твой Димка... И помни, что я тебя тоже очень люблю. А хочешь, на свадьбу приеду? Позовешь на свадьбу-то?

– Как это уезжай, папа? Я что, брошу маму, Сашку, Машку и спокойно уеду?

– Да, и спокойно уедешь! И даже обязательно уедешь! Мама не инвалид, в конце концов, а здоровая молодая женщина! Будет работать! И зарабатывать! И еще спасибо нам с тобой потом скажет! И Сашка уже большая... И Машка вырастет... И квартиру я оставляю... И не вздумай даже делать из себя жертву! Поняла? Хватит с нее и меня!

Он говорил все более раздраженно, как человек, уставший уже десятый раз объяснять очевидные для него вещи. Чувствовалась за его раздражением – Мишель вдруг это ясно услы-

шала – свеженькая, недавно народившаяся ненависть. Нет, не к ней, конечно же. К маме. Вот так, наверное, она и зарождается в человеке. В одночасье. В разговоре. Вдруг.

– Да, именно так! Хватит с нее и меня! – с силой повторил он, чеканя каждое слово. И тут же сник, тяжело вздохнув, задумался на секунду, глянул на нее озабоченно: – Кстати, ты не знаешь, деньги у мамы есть? Я ведь помогать пока не смогу... Мы с Элей квартиру сняли, надо было заплатить за три месяца вперед. Ты скажи маме, пусть с трудоустройством поторопится! И пусть не ждет, не теряет время. Я не вернусь. И даже обсуждать это не буду. А ты... Если захочешь, попытайся меня понять. Ты ж меня всегда понимала!

Он обернулся к дочери, хотел еще что-то сказать, но передумал. Вернее, не успел. Выпрямил спину, расправил плечи и, слегка подавшись корпусом вперед, расплылся в бестолково дрожащей улыбке. Мишель лишь усмехнулась сквозь слезы, наблюдая все эти странные метаморфозы. Понятно, что по бульвару к ним Элька чешет. Стало быть, и разговору конец. Нет, правда понятно, без дураков! Когда вот так же навстречу ей Димка идет, она тоже про все забывает и улыбается наверняка так же бестолково, и радостью из глаз брызжет, что фонарей не надо. Понятно, конечно. Только вот с бедной мамой как быть?

А может, отец прав? Может, свое счастье надо зубами у себя же самой выгрызть, закрыв на все глаза и отодвинув долги в сторону? Она ж так мечтала счастливо жить в городе Мариуполе, на берегу моря, своей маленькой жизнью, день за днем, для Димки, для себя! Вот сейчас она наберется смелости, придет домой и скажет маме о своем решении... Так и бухнет с порога – мне очень жаль тебя, конечно, но я уезжаю в Мариуполь!

Она так глубоко задумалась, что вздрогнула, когда ее тронули за плечо. Подняла голову, увидела отца и Эльку, над ней склонившихся.

– Мишк, с тобой все в порядке? Ну не переживай ты так... Давай мы тебя домой отвезем!

Мы, главное! Хоть бы сообразила глупая Бусина, румяная белая булочка, как ей тяжело слышать это «мы»! Чего с нее возьмешь? Деревенщина неотесанная. Прямое оскорбление маминой красоте.

В машине ехали молча. Старая «шестерка» вся скрипела и дребезжала, казалось, вот-вот развалится на части, как разваливалась на глазах вся их несуразная семья.

Когда подъехали к дому, Элька обернулась с переднего сиденья, попросила виновато:

– Мишк, ты вынеси Игорю вещи, одежду там какую-нибудь, документы... У него ж ничего нет, а сам он не пойдет, не хочет...

– Да, конечно, только не сейчас. Ты позвони завтра, я скажу, когда можно будет забрать.

– Ты не обижайся на нас, ну так вот получилось, что теперь делать. Ладно?

– Ладно, не буду. Все в порядке. Пока.

Она вышла из машины, деликатно хлопнув дверью, медленно пошла к подъезду. Идти домой не хотелось. Порыв смелости куда-то улетучился, чувство вины по-прежнему уютно устроилось внутри, свернулось мягкой кошечкой. Нет, ничего она сегодня про Мариуполь маме не скажет. Может, потом. А может, и не будет никакого Мариуполя...

Соня

Сердце бешено заколотилось, когда у подъезда вдруг остановился их старенький «жигуленок», такой родной и знакомый, весь забрызганный весенней грязью. Соня отскочила от окна, заметалась по комнате, что-то на себя надевая, одновременно причесываясь, пытаясь побороть волнение. Бросилась к двери, стояла, трясясь всем телом, будто решался вопрос ее жизни и смерти. Сильно вздрогнула от звонка, дрожащими руками потянула рычажок замка. И отступила в глубь коридора, встречая Мишель.

– А где отец? Я видела машину...

– Мам, он больше не придет. Он сам сказал. Он действительно ушел, мам...

Соня задохнулась, схватилась за горло, ушла на кухню. Села за стол, широко открытыми глазами уставилась в никуда, тихо раскачиваясь всем корпусом, с силой прижимая локти к бокам. Раздевшись, Мишель вошла к ней на кухню, села напротив.

– Мамочка, ну не надо так, мы справимся...

– Кто справится и с чем справится? – вздрогнув, как от удара плетью, зло и капризно заговорила, почти закричала Соня. – Ты знаешь, сколько мне лет? Что у меня впереди? Старость, климакс, болезни? Вечный поиск работы ради копеечной зарплаты?

– Мамочка, ну ты же у нас умница, красавица, выглядишь очень молодо... У тебя еще все устроится!

– Ничего у меня уже не устроится, не говори глупости! Кино насмотрелась, что ли? Про слесаря Гошу из электрички? Или про новогоднего врача в образе счастья? Нет, дорогая, в жизни все по-другому устроено! И на мою голову из самолета прямо в квартиру не свалится добрый интеллект, под гитару поющий, неженатый, готовый влюбиться за одну новогоднюю ночь...

– Мам, ну не надо, – торопливо заговорила Мишель, – прости меня, я говорю все не то, наверное. Но ведь ты же и с папой была одна, сама по себе, значит, не нужен он тебе. Ты же его не видела, не замечала... Что изменится-то в твоей жизни?

– Нет, ты совсем меня не слышишь, что ли? Чего ты всякие глупости несешь! У меня было все, понимаешь? У меня был статус замужней женщины, который меня спасал, давал защиту от хамов и возможность выбирать, ходить мне к этим хамам на работу каждый день или быть свободной от них! А сейчас я кто? Да никто!

– Ага, а отец, значит, и был предназначен только для того, чтобы давать тебе этот статус!

Соня и Мишель, одновременно вздрогнув от неожиданности, повернули головы. В дверях кухни стояла Сашка, розовая после душа, с тюрбаном полотенца на голове, в коротком халатике, открывающем для обозрения идеально круглые коленки.

– Мам, ты хоть помнишь, как наш папа выглядит? У него ведь даже места своего здесь не было! Когда приходил, и куртку, и брюки, и рубашку снимал в коридоре! Ты понимаешь, что у тебя мужа-то и не было никогда? А если тебе статус нужен, так не ставь штамп в паспорте о разводе!

– Сашенька, ты меня не понимаешь...

– Ой, да все я понимаю! Заладила – понимаешь, не понимаешь... Тысячи женщин живут без мужей, и ничего, не умерли, работают, по-своему счастливы... Я вот, например, замуж не хочу вообще выходить. Сама себе на жизнь заработаю столько, сколько мне надо. И мне никто не нужен. И из-за статуса никогда страдать не буду.

– Ну, пока ты еще начнешь зарабатывать по своим потребностям, много времени пройдет, – жестко сказала Соня.

– Да нет, мам, не так уж и много... Не хотела говорить пока, да ладно. В общем, меня взяли на работу в ночной клуб стриптизершей. Через два месяца получу аттестат, схожу на выпускной – и за работу!

– Сашка! – в унисон ахнули Соня и Мишель, одинаково прижав к ладоням щеки.

– Стоп, девочки! Стоп! Не надо комментариев! Я и без них понимаю, что вы против. Конечно же, против! И даже очень сильно, и даже категорически против. Договоримся так: я ставлю вас перед фактом, а все остальное – без меня!

Сашка грациозно развернулась, подхватив развязавшееся полотенце, и исчезла, оставив мать и сестру в состоянии молчаливого шока.

– Миш... Ты что-нибудь поняла? – спросила Соня, с трудом разлепив онемевшие губы. – Что она сейчас имела в виду? Какой ночной клуб? Какой стриптиз? Нет, что-то я совсем ничего не соображаю... Наверное, это шутка такая. Прикол, да? Тоже, нашла время шутить... Ой, голова кружится, плохо мне что-то, Мишка...

Соня кое-как добралась до дивана, легла, не раздеваясь, укрылась с головой, затихла. Противная тошнота подступила к горлу, даже плакать не было сил.

Пусть все проваливается, пусть все уходит в любовь, в стриптиз, куда угодно, она больше не встанет с этого дивана, пусть делают что хотят...

Сашка

Распустив по плечам мокрые волосы, она искоса взглянула на ворвавшуюся фурией в комнату Мишель. О боже, сейчас начнется...

– Сашк! Ты что, с ума сошла? Разве так можно? Ты что, не видишь, что маме и без тебя плохо?

– Ой, только не надо про «плохо», я тебя умоляю! Это нам с тобой плохо, это отцу плохо, а ей всегда было хорошо! И не надо мне снова рассказывать сказки про то, что мама у нас не такая, как все, что у нее свой там какой-то особенный мир... Ты сама-то хоть представляешь, что это за мир? Запереться в старой хрущобе, избегать людей, до умопомрачения читать книжки – это ты называешь особенным миром? А у тех, кто умеет работать и зарабатывать, кто умеет сам делать свою жизнь, у них что, не особенный мир?

Сашка все больше распалялась, почти кричала, и Мишель умоляюще сложила руки, показывая глазами на дверь:

– Тише ты, мама, кажется, уснула...

– Ты знаешь, Мишка, мне тоже ее, в общем-то, жалко... – помолчав, уже спокойным шепотом заговорила Сашка. – Только я никогда не буду жить так, как она. У меня все будет: и деньги, и машина, и квартира своя, и куча шмоток всяческих! И зависеть от мужиков я не буду! И бояться ничего не буду!

– И это ты все стриптизом собралась заработать? Машину, квартиру, шмотки... Сашка, я надеюсь, ты это несерьезно лепечешь? Ты хоть понимаешь, что это такое? Через какие унижения надо пройти?

– Понимаю. Я все понимаю. И ко всему я готова. Самое главное, что мне это нравится, вот в чем дело! Нравится танцевать у шеста, нравится, что на меня смотрят, и наплевать, какими глазами, меня это не пробивает нисколько. Ты знаешь, у меня ведь уже репетиции идут, и когда я танцую, я сама улетаю, не думаю ни о чем! Ни как я выгляжу со стороны, ни что обо мне думают... У меня тело во время танца само по себе живет. Я посмотрела видео со своим танцем, ты знаешь, это что-то! Вот такой вот парадокс: мама улетаёт от Чехова, а я – от стриптиза...

– Ой, Сашка, не пугай меня, – ахнула Мишель. – Я даже слушать тебя боюсь, а маме вообще плохо стало.

– Да ладно тебе, плохо ей! Ей не из-за меня плохо, а за себя, любимую, страшно – что-то теперь будет... Дочка в стриптизерши подалась! Позор на материнскую голову!

– Не надо так, Саш... Ну я прошу тебя, не надо так про маму! Ты совсем, совсем ее не любишь!

– Да я-то, может, как раз больше ее люблю, чем ты. Потому что не боюсь. А ты все выслуживаешь любовь, боишься сказать не так, сделать не так: а вдруг твоя драгоценная мамочка на тебя обидится! Даже боишься сказать ей, что никакого красного диплома тебе не светит. Врешь и врешь уже пять лет почти... Как же, ведь мама должна тобой только гордиться, а по-другому просто ну никак нельзя! Придется тебе, Мишка, свой обыкновенный синенький дипломчик раскрашивать красным лаком для ногтей! Обращайся, у меня такой есть! А что? Для любимой мамочки мне ничего не жалко, даже лака... И вообще в мои дела больше не лезь! Я сама буду все за себя решать, поняла? Я уже и контракт подписала!

– Сашка, тебе ж восемнадцать всего! Ты глупая еще совсем, жизни не знаешь, какой может быть стриптиз! Тебе же в институт поступать надо!

– Ага, я должна повзрослеть, получить высшее образование, потом набраться жизненного опыта... Только пенсионерок, Мишенька, в стриптиз, к сожалению, не берут.

– Господи, какой сегодня тяжелый и длинный день... И Димке я так и не позвонила! А надо еще Машку покормить... Кстати, где она? Опять у Лизки сидит? Давай сегодня спать пораньше ляжем, утро вечера мудренее, а, Сашенька?

В обычных хлопотах прошел их вечер. Вместе они привели от соседей Машку, и покормили, и уложили спать, стараясь при этом не шуметь, чтоб не разбудить мать.

Сашка долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, пытаясь найти нужное положение, долго лежала с открытыми глазами, таращась в темноту и слушая тихое сонное дыхание сестер. Потом встала, на цыпочках прошла на кухню, закрыла дверь, закурила мамину сигарету. Нет, и впрямь... Чего это она развевалась? Наехала вдруг на мать... Давно ведь уже привыкла к ней, блаженной, капризной, всегда отстраненной, рассуждающей о духовности и не замечающей, что Мишка всю зиму ходит в легкой курточке, что Машке уже отчаянно малы ботинки, а уж про отца и вообще говорить не стоит!

К самой себе Сашка такого отношения не прощала, требовала положенного ребенку внимания и заботы, хотя в конечном итоге все это и перекладывалось на широкие Мишкины плечи. С детства – перекладывалось. Ее, Сашку, надо было отвозить, встречать и ехать через весь город домой после занятий в детском театре-студии, где она числилась танцевальной примой, надо было шить сложные сценические костюмы, готовить правильную диетическую еду, собирать на гастроли, следить за безукоризненной белизной носочков, тапочек, юбочек... Она очень быстро привыкла быть примой, привыкла солировать, и это желание всегда быть первой перенесла во взрослую жизнь. Ну в самом деле, не может же прима носить старые вещи, доставшиеся от старшей сестры! Ей нужно все самое модное, красивое, изящное, соответствующее образу стервозной красотки. А в том, что была красива, Сашка не сомневалась. Она и сама себе жутко нравилась. В ее облике не было ничего от сложившегося стереотипа красоты – худой и костлявой девушки-модели. Казалось, наоборот, в ее теле вовсе не присутствовало никакого скелета, оно было не худым, а тоненьким, наивно беззащитным, приятно гуттаперчевым, легким и подвижным, и в то же время присутствовала в нем какая-то необъяснимая агрессивная порочность, которая в сочетании с детской трогательностью и создавала образ ласковой стервы. Тоненькая ивовая веточка прекрасно может сослужить службу хлесткой безжалостной розги. Если эта надобность наступит, конечно.

Она никогда специально не училась стриптизу, но на работу в престижный ночной клуб ее взяли сразу, после первого же кастинга, хотя ни танцевать у шеста, ни эротично раздеваться под музыку Сашка не умела. Она и не удивилась, приняла все как должное, иначе и быть не могло. Удивилась только, почему этим обстоятельством так возмущена Майя, ее обожаемая любимая Майя, педагог детского театра, отставная сорокапятiletняя балерина, то ли подруга, то ли дуэнья, то ли наперсница – они и сами не смогли бы определить их отношений, – но так уж получилось, что ближе и роднее у нее никого на этом свете не было. Ну, может, кроме Мишки, пожалуй...

Ни семьи, ни детей у Майи не было никогда. Жила она в коммуналке в доме дореволюционной постройки, в огромной комнате с ширмами, веерами, старинной мебелью, дубовым рассохшимся скрипучим паркетом и тяжелой лепниной на потолке. Майя рассказывала Сашке, что родителей потеряла еще в раннем детстве, и сердобольные соседки, пытаясь пристроить девочку и как-то сохранить за ней комнату, отвели ее в хореографическое училище. И маленькую Майю приняли. Не столько за способности, сколько из сочувствия к ее сиротству.

Ученицей она оказалась старательной, истязала себя до изнеможения, но особых талантов так и не показала. Честно протанцевав в театральном кордебалете до положенных тридцати

пяти лет и уйдя на пенсию, стала преподавать классический танец в детской студии, созданной тут же, при театре, куда и привели в свое время шестилетнюю Сашку. Вдруг удачно открылись в ней педагогические способности, вместе с режиссером Майей с азартом занималась постановкой детских спектаклей, довольно успешных, всегда аншлаговых. В театре проводила все свое время, так и живя бобылкой в своей огромной комнате в старинном доме, бережно сохраненной соседками. Маленькая, прямая, жесткая, всегда с одной и той же прической – туго стянутыми назад в крепкую фигу черными волосами, отчего ее смуглое лицо казалось тоже стянутым назад, вкуче с высокими скулами и узкими холодными глазами, Майя на фоне маленьких ангелочков в белых юбочках смотрелась грозным Карабасом в женском обличье. «Веселова! Александра! Что ты мне опять нимфетку изображаешь? Тоже мне, Лолита нашлась!» – кричала она своим низким, чуть хрипловатым голосом на Сашку, которая никак не могла взять в толк, чего от нее хотят и кто такая эта самая Лолита, которая так не нравится ее преподавательнице. Постепенно Сашка каким-то своим детским чутьем распознала в Майе скрывающуюся за видимой жесткостью родную душу и потянулась к ней всем своим существом. Она буквально висла на ней, по-детски, искренне и преданно дружила и, повзрослев, целыми днями пропадала у нее дома, читала ее книги, дружила с соседками, впитывала жадно в себя Майин мир. Ее как магнитом тянуло в эту коммуналку, к этой маленькой смуглой женщине, здесь она ощущала себя свободной и любимой, здесь можно было часами разговаривать обо всем, можно было просто и легко молчать, здесь всегда ее ждали, здесь было тепло, уютно и спокойно. В общем, повезло ей с Майей по-крупному, чего уж там...

«Надо пойти немного поспать, а то встану зеленая и вялая. Завтра трудный день, а надо еще как-то измудриться и успеть съездить к Майе, посоветоваться... Утром позвоню ей», – решила Сашка. Затушила сигарету, потянулась к форточке, собираясь выкинуть окурочек, и вздрогнула от звука нежно зазвеневшего колокольчика «музыки ветра». В кухонном проеме, щурясь то ли от яркого света, то ли от сигаретного дыма, стояла Соня.

Соня

– Как накурено... – Соня помахала перед глазами ладонью, садясь на кухонную скамейку и осторожно, исподлобья, глядя на дочь.

– Мам, ты почему не спишь? Все о статусе своем переживаешь?

– Ну зачем ты так, Саша... Не будь такой злой!

– Я не злая. Я и правда не понимаю, как можно переживать по такому ничтожному поводу.

– Ну почему же – ничтожному? Это сейчас тебе кажется, что повод ничтожен. А потом... Не знаю, как бы тебе это объяснить... Вот ты никогда не задумывалась, почему общество так трогательно относится к вдовам? Им сочувствуют, всячески помогают, опекают как могут. Уважают, в конце концов. И звучит-то как достойно – вдова... Слышишь? А брошенная мужем женщина – она кто? Да никто! Мадам Брошкина. Предмет для злословия, сплетен и насмешек. А эта самая мадам Брошкина тоже, между прочим, остается один на один с жизнью и тоже нуждается и в сочувствии, и в поддержке, и в уважении... Лучше бы я осталась вдовой!

– Ну ничего себе! – Чуть не задохнулась от возмущения Сашка. – Это что получается? Если отец больше не захотел обеспечивать твой статус, то пусть лучше умирает, да? Не доставайся же ты никому? А может, и нам с Мишкой и Машкой умереть, чтоб у тебя клейма «плохая мать» не было? Ну ты даешь, мам... Знаешь, у меня часто появляется чувство, что ты живешь не с нами, а сама по себе, в чудном таком стеклянном домике, и вроде как видишь все оттуда, и мы тебя видим, а вместе быть не можем... И есть ты, и нет тебя! Где ты, мамочка? Ау-у-у...

– Сашенька, поверь, что я в этом не виновата! – захлебнувшись собственным отчаянным шепотом, вжала ладони в грудь Соня. – Я уже родилась такой, в этом, как ты говоришь, стек-

лянном домике. И я к нему с огромным трудом приспособливалась, не думай, что это было легко... Но у меня там, в этом домике, свой мир, свои ценности! И если я когда-нибудь и выйду оттуда, то просто погибну! Ты постарайся понять меня, дочь. Пожалуйста! Пожалей меня...

Соня тихо заплакала, дрожа губами, размазывая по щекам слезы тыльной стороной ладони.

– Да ради бога, мам, пожалеть я могу, конечно. А вот насчет понимания... Зачем тебе вообще дети-то были нужны? Жила б одна, сидела и сидела бы в этом своем стеклянном домике, и никто бы не мелькал у тебя перед глазами! Ни я, ни Мишка, ни Машка... Ты знаешь, я б давно уже свалила отсюда, переехала к Майе, если бы не Мишка. Ты тут без меня ее окончательно загонишь!

Сашка говорила, все более повышая голос, не замечая Сониных горьких слез, почти кричала:

– Ты посмотри, посмотри на нее! Она ж забитая, запуганная, боится тебе слово сказать! У нее любовь, ей замуж пора идти, а она тебе признаться боится! Как же, мамочку она бросит! А в чем она ходит, ты вообще замечаешь? Одета, как последняя бомжиха! А Машка? Она ж у соседей больше времени проводит, чем дома! Скажи, это я должна понимать?

Прибежавшая на шум заспанная испуганная Мишка вытащила Сашку из кухни, запихнула в комнату, от души поддав коленкой под зад, вернулась к дрожащей и плачущей Соне. Обнимала, гладила по голове, что-то ласково приговаривая, сама прикурила ей сигарету, щедро налила в стакан настойки пустырника, чуть разбавив водой, заставила выпить.

– Мишенька, ты ведь меня не бросишь? Ты ведь никуда не уедешь от меня, правда? Я без тебя не смогу, не справлюсь, – приговаривала Соня, всхлипывая, следя глазами за ее суетой.

– Конечно, мама, мы же вместе, мы справимся...

Мишка отвела ее в постель, уложила, укутала, посидела рядом, похлопывая по боку, как ребенка. Когда Соня уснула, вернулась к себе в комнату. Сашка спала как убитая, чему-то улыбаясь во сне, рука ее была красиво закинута за голову, волосы разлетелись по подушке, переливались глянцем в еще слабом утреннем свете.

– Стриптизерша, мать твою... – неожиданно зло прошептала Мишка, – ремнем бы тебя отстегать по твоей красивой заднице...

Игорь

Он давно уже не спал, лежал, не шевелясь, наблюдая за Элей, которая старательно, сведя к переносице белесые бровки, гладила его единственную рубашку. Каждый вечер она ее стирала, а утром гладила. А еще каждое утро она варила ему кашу, заставляла съесть, а вечером кормила ужином, сидела рядом, подперев рукой пухлую щечку. А раньше он и не знал, что счастье бывает таким. Когда просто можно смотреть, как женщина гладит твою рубашку, как солнечный луч падает на ее светлые волосы, и знаешь, что можно позвать, и она оглянется и обязательно улыбнется, и засияет глазами в обрамлении белесых ресниц... Наверное, это как-то по-женски некрасиво, когда ресницы совсем белые? Ерунда какая. Ему вот ужасно нравится!

Господи, за что ж ему такое счастье? Кто он вообще такой? Сонин муж? Отец троих детей? Измотанный работяга-извозчик, насквозь пропахший бензином? Оно, это счастье, свалилось как-то сразу, неожиданно и бурно, как снежная лавина, которая снесла на своем пути и привычно-тягостное чувство долга, и ощущение собственной никчемности, незначительности, убогости. Он давно уже убедил себя, что его личное, Игоревое счастье и в самом деле заключается в том, чтобы материально обеспечивать комфортное Сонино одиночество, приносить себя в жертву, работать, чтобы дать душевный покой своей необыкновенно хрупкой, красивой, умной, тонкой, ранимой жене.

Игорь и сам не смог бы объяснить, что произошло с ним в тот вечер, когда он развозил по домам поздним вечером Мишкиных подружек, и почему сидел до утра в машине вместе с этой белобрысой, полной, румяной девчонкой и не мог оторваться от нее. Они без конца говорили, перебивая друг друга, и все время целовались, и его трясло от какой-то счастливой лихорадки, как будто его долго держали в темном затхлом подвале и наконец вывели на яркий солнечный свет. Потом он медленно ехал домой, но так и не доехал. Понял, что не сможет. Тот, прежний Игорь, кончился внезапно, за одну ночь, раз и навсегда. Вместе с ощущением счастливой лихорадки пришел и бурный протест, он просто не смог бы заставить себя вернуться в прежнюю жизнь, да и не хотел он заставлять себя. Так и не доехав до дома, Игорь решительно развернулся, лихо подрулил к Элиной общаге, прошел через вахту, нашел ее комнату, ворвался без стука, насмерть перепугав девчонок и саму Элю. В институт в этот день она так и не пошла, а к вечеру они уже сняли эту квартиру, сложив вместе все имеющиеся у них денежные запасы и заплатив за три месяца вперед. И начали новую жизнь.

Господи, какое это счастье – просто жить! Счастье – это когда женщина старательно делает что-то для тебя, и можно сейчас, ну вот еще через секунду ее окликнуть, и она обернется, и внутри у него все оборвется, а сам он непременно расплавится в апрельских солнечных лучах от ее ответной направленной на него радости.

Вспомнилось, как Соня раз в месяц героически посвящала целый день стирке его рубашек, потом с брезгливым отстраненным лицом героически их гладила, и он искренне верил, что она совершает подвиг, и был виноват и благодарен, благодарен и виноват... Нет, он больше не будет об этом помнить! Он будет жить и жить, как получится, сколько получится, и ни один день своей жизни никому, кроме Эли, больше не отдаст!

Но забывать не получалось. В душе росло и крепло раздражение даже не на Соню, а на самого себя. Как он мог так бездарно распорядиться своей жизнью? В конце концов, он же человек, а не просто каменная стена... Или как там она еще его называла? Теплое одеяло? Фу, чушь какая. Не может мужик быть одеялом. Не может, и все тут!

Он даже за вещами своими не хотел идти. Не мог видеть Соню. О детях почему-то вообще не думалось. Никак. Ни с чувством вины, ни без него. Вчера, когда он увидел Мишку, кроме неудобства и досады, вообще ничего не испытал. Пусть они оставят его в покое! Он кончился, умер, исчез! Хотя идти за вещами все равно придется. Не гладить же Эле, в самом деле, каждое утро его единственную рубашку, хоть ему и нравится наблюдать за ней, притворяясь спящим. У нее такая забавная сосредоточенная рожица, нахмуренные белесые бровки, вся она такая маленькая, круглая, родная и близкая, его жемчужная бусинка... Пусть у них огромная разница в возрасте и нет денег, и вообще ничего нет, кроме его разбитого «жигуленка». Они счастливы вместе, и ничего им не надо.

Вот он сейчас встанет, съест сваренную Элей кашу, а потом отвезет ее на лекции. И будет работать, и сегодня ему непременно повезет – обязательно найдется выгодный клиент. А вечером он встретит ее возле института, и вместе они поедут через весь город в их временное жилище, и вместе будут готовить нехитрый ужин, и вместе его есть, и вместе, обнявшись, спать... Вместе! Господи, как хорошо!

Мишель

Они сидели на бульваре, на той самой скамейке, где вчера Мишель встречалась с отцом, и ссорились. Вернее, ссорился Димка. Сердито молчал, обиженно съежившись, смотрел куда-то вбок. Потом резко развернулся к ней, снова заговорил горячо и напористо:

– Знаешь, если бы мои родители разводились, это было бы только их личным делом! Потому что у меня нормальные родители! Чего ты заиклилась на этом? Сможет без тебя мама,

не сможет... Ты, Мишка, наверное, чего-то недопонимаешь, просто привыкла всех опекать, тебе и кажется, что без тебя никто не обойдется.

– Да она ничего от меня не требует, – пыталась объясниться Мишель. – Я сама должна...

– Ничего ты никому не должна! Ты сама должна быть счастливой, а никакого другого долга у тебя нет! В конце концов, твоя мама не одна остается, у нее еще две дочки есть!

– Ты же знаешь, Машка маленькая еще, а на Сашку какая надежда, она вон в стриптиз собралась... Представляешь, что это будет? Ей же восемнадцать лет всего! Дура малолетняя, нахалка самоуверенная! Еще вчера об этом и маме объявила!

– Ну и что? – удивил Мишель Димка, который не выразил никакого осуждения. – В конце концов, это ее выбор. Кто-то должен лечить людей, кто-то должен вести бухгалтерию, а кто-то должен танцевать в стриптизе. Ни одно место в этом мире не должно пустовать.

– Ну как ты можешь, Дим! Это же моя сестра, в конце концов!

Мишель почувствовала, что сейчас расплчется. Она всегда и во всем соглашалась с Димкой, не потому, что сильно любила, а просто потому, что он действительно всегда говорил правильные, умные вещи. Это белое, а это черное. Разве с этим поспоришь? Но сейчас... Не мог он сейчас так говорить! Как чужой. И требовать от нее сделать выбор он тоже не мог. Неуместен здесь выбор. Потому что маму она тоже любит. И предать не может. Просто физически не может, и все. Как он этого не понимает?

– Дим... А может, нам пока здесь пожить? Найдешь работу, снимем квартиру... Ну как я их тут всех оставлю?

– Нет, с тобой бессмысленно разговаривать. Меня в Мариуполе, в конце концов, родители ждут. И тебя, между прочим, тоже! И дом у нас большой, всем места хватит. И место мне в ординатуре уже нашли...

– Ну хорошо, хорошо, не сердись! В конце концов, у нас с тобой есть еще два месяца в запасе...

– Нет, Мишка, я не останусь, – решительно покачал головой Димка. – Тебе все-таки придется решать. И я надеюсь, ты примешь правильное решение. Не будь рыбой! Не поджаривай сама себя на сковородке, не подавай сама себя к столу!

– Ты знаешь, а мама говорит, что переделать человека нельзя... – вздохнула Мишель. – Если я по природе рыба, которая сама себя поджаривает, значит, я такой и буду всегда. Может, не по форме, а по содержанию-то уж точно.

Димка долго смотрел на нее, задумавшись, потом обнял за плечи, притянул к себе, заговорил уже спокойно и ласково:

– Ну что ж, будь рыбой, поджаривайся на здоровье, если тебе так нравится... Но только для меня поджаривайся, пожалуйста. По крайней мере, я тебя не съем. Будешь у меня всегда красивой поджаристой золотистой рыбкой...

Мишель опять захотелось плакать. Вот наплакаться бы вдосталь у него на плече, вылить все накопившиеся за последние дни слезы... А только нельзя, надо домой идти. Поздно уже, мама, наверное, там с Сашкой с ума сходит. Ну как, как она уедет? Эту же юную стриптизершу, наглую сестрицу, без пригляда ни на минуту нельзя оставить! Уж она-то знает Сашкин характер. Правда, можно попросить Майю присматривать за ней, единственную авторитетную для Сашки личность. А мама уж точно с ней не справится. Вот почему, интересно, Майя может управлять Сашкой, а мама нет? Ведь она такая умная, все на свете знает! Может часами рассказывать о гармонии отношений, о равновесии, о человеческой природе, а в своей собственной семье никакой гармонии и в помине нет... Может, Сашка не так уж и не права, обвиняя маму в пустой велеречивости?

«Господи, что это со мной? О чем я думаю? – вдруг встрепенулась Мишель, испугавшись своих мыслей и отрываясь от теплого Димкиного плеча. – Вот я уже и маму обвинять начала, как Сашка! В такой тяжелый для нее момент... Этого еще не хватало!»

Соскочив со скамейки, она судорожным движением оправила юбку, схватила в руки рюкзачок с учебниками.

– Дим, мне уже бежать надо, извини! Ты не провожай меня, посади на автобус, я сама доеду.

Они молча дошли до автобусной остановки. Как чужие. Слава богу, автобус подошел полупустым, можно спокойно посидеть одной, посмотреть в окно, подумать...

Нет, почему они все такие злые по отношению к маме? Почему никто ее не понимает, не жалеет в этой ситуации? Отец, Сашка, вот теперь Димка... Это же... Это же как слабого ребенка ударить! А она и впрямь – как ребенок, который, как говорится, чем бы ни тешился, лишь бы не плакал. Да, мама могла целыми днями читать, не вылезая из своего желтого кресла под желтым абажуром, и все они ходили на цыпочках, боясь помешать. Да, могла гулять целыми днями по городу, заходя в уличные кафе, сидеть в них часами с чашкой кофе и стаканом воды, наблюдая «движение жизни» и не заботясь при этом, есть ли у них дома что-нибудь на ужин. Могла увлечься новомодной гимнастикой, которой рекомендуется заниматься именно по утрам, как раз в то время, когда им надо собираться в институт, в школу, в детский сад... Правда, иногда, очень редко, ее посещал интерес к кулинарным изыскам, но всегда именно в одной плоскости, которая называлась «как из ничего сделать что-то». Она сама замешивала какое-то необыкновенное тесто, колдовала над начинкой из самых дешевых продуктов, до неузнаваемости их изменяя, и получался действительно необыкновенно вкусный пирог. Могла часами ходить по магазинам, рынкам, распродажам и действительно находила очень дешевую, но красивую, даже изысканную шмотку, которая выглядела и дорого, и престижно, и шла ей просто необыкновенно. Она никогда никуда не торопилась, ходила медленно, с достоинством, всегда глядя куда-то поверх голов. Казалось, будто идет она не в свою бедно обставленную двухкомнатную квартиру, а по меньшей мере в собственный особняк с лакеями, горничными, каминами, пальмами, французскими духами... Да, наверное, она эгоистична. Кто спорит? Но – опять же, совсем по-детски эгоистична. Ее просто любить надо, и тогда все встанет на свои места. Почему они не хотят ее просто любить? Ее же нельзя не любить, нельзя не восхищаться ею. Кто будет любить маму, если Мишель уедет? А Димка... Димка очень даже хорошо проживет в своем Мариуполе. Жаль, конечно, но что делать? Мама же здесь без нее не справится. Ее просто растопчут, задавят, затюкают, уничтожат, в конце концов! Отец больше не смог ее защищать, ну и бог с ним. А она – сможет. Она сильная и выносливая, через два месяца начнет работать, и все у них будет хорошо! Пусть мама читает свои книжки и гуляет по солнечным улицам, она не даст ее в обиду! Не прав, не прав Димка, называя Мишель рыбой! Разве это так уж плохо – пожертвовать собой, давая покой другому человеку, так нуждающемуся в этом покое?

Задумавшись, она чуть не проехала свою остановку, выскочила из автобуса, быстро пошла в сторону дома. Зашла в продуктовый магазин. Денег хватило только на хлеб и молоко. Да, с деньгами действительно скоро будет катастрофа... Добытчика-то теперь нет. Не на Сашкин же стриптиз рассчитывать, в самом деле. Слава богу, тетя Надя, соседка, обещала договориться в кафе, где она работает, насчет какой-то халтурки... Завтра надо будет пойти, уточнить.

Тут же вспомнился некстати «добрый» совет отца – пусть, мол, мама побыстрее устраивается на работу. Да, совет, конечно, хороший... Ну, да бог с ним, и с отцом, и с советом. Как-нибудь сами разберутся. Они с мамой большие девочки. Только кто старше, кто младше, уже и непонятно...

Соня

Соня с облегчением выплыла из тяжелого сна, где она опять мучилась своим бредовым сочинительством. Нет, что это за напасть такая? Надо было столько книг за свою жизнь прочесть, чтобы во сне мучиться убогими сумбурными текстами... Еще и голова болит нестерпимо.

Она долго лежала, пытаясь сообразить – что сейчас, раннее утро или вечер. В комнате было темно и тихо. Подняла голову, посмотрела на часы. Ничего себе! Было уже очень позднее послеобеденное время. Окна наглухо задернуты плотными портьерами, дверь в ее комнату закрыта. «Я же вчера снотворное выпила, а Мишка мне еще каких-то капель накапала...» – вспомнила Соня, вставая с постели и освобождая из плена солнечное окно.

Господи, весна-то какая роскошная! Сейчас бы пойти беззаботно и в никуда по солнечным улицам, вдыхая одуряющие ароматы, и чтоб солнце било прямо в глаза. Много, много солнца. И наступать в лужи, и промочить ноги, а потом, устав, вернуться домой, налить горячего-прегорячего зеленого чаю, сесть с книжкой в свое желтое кресло... Стало до слез жалко себя, свою прежнюю счастливую жизнь, которая разваливалась на глазах как картонный домик. Нет, не картонный, а стеклянный, как образно выразилась вчера Сашка. Ее стеклянный домик рушился неотвратимо, превращаясь в тысячи острых осколков, которые впивались в тело, в мозг, в душу, парализовывали волю, открывая двери всем страхам, какие только можно придумать. И от которых она так удачно пряталась долгие годы. Думала, что пряталась.

В зеркале ванной, умываясь, увидела в своих черных кудрях несколько седых волос и отметила для себя этот факт равнодушно, как что-то само собой разумеющееся. А раньше бы расстроилась, в панику впала. Господи, как она хорошо раньше жила...

На кухне ждала записка от Сашки: «Мама, я после школы – на репетицию в клуб, приду поздно, забери Машку из сада».

Она отодвинула от себя клочок бумаги, будто он ожег ей пальцы. На репетицию она собралась, надо же. В клуб. Стриптиз репетировать. Нет, и правда, а что теперь с этим стриптизмом делать? Как отговорить Сашку, какими способами? Да и есть ли у нее в запасе эти события?

Закурив, она поставила турку с кофе на огонь. Сев за стол, снова протянула руку к Сашкиной записке, долго вчитывалась в пару торопливых строк. Потом снова с раздражением отбросила ее от себя. Нет, что за напасть на ее голову! Скоро выпускные экзамены, надо в институт поступать, а она на дурацкие репетиции время тратит! Видимо, правду говорят, что беда никогда не приходит одна...

Может, Мишка ее отговорит? Она как-то умеет с ней ладить. Или Игорь появился бы поскорее наконец. Ну, просто так бы зашел, узнать, как у них тут дела... Сашка ведь и его дочь тоже, между прочим! Сходил бы в этот ночной клуб, поговорил там по-мужски...

Для себя такую возможность – сходить и поговорить – она категорически исключала. Не умела вести разговоров, когда нужно требовать и настаивать. Могла часами философствовать, спорить, доказывать свою точку зрения только в комфортной обстановке, с близкими или давно знакомыми людьми. С Димой, например, Мишкиным приятелем. Очень умный мальчик. Жаль, что он скоро уезжает. А может, его попросить сходить? Представился бы там Сашкиным братом...

Кофе Соню не спас. Голова не прояснилась, во всем теле чувствовалась разбитость, будто ее всю ночь колотили палками. Пора было вставать с уютного кухонного диванчика, идти за Машкой в сад. А вдруг, пока она ходит, придет Игорь? Но у него ведь ключи есть... А если он ее не дожидается? Соберет вещи и уйдет? Ей бы только встретиться с ним, а там уж она знает, на какие точки надо давить... Что сказать и как сказать. Главное, чтобы результат был. И чтобы

он еще и виноватым кругом остался... Он и не идет только потому, что боится этого разговора. Но все равно же должен прийти! У них денег нет, в конце концов! И с Сашкой опять проблемы! Да и ее, Соню, он знает как облупленную... Какая она добытчица? Нет, он должен, должен прийти и поговорить. Так все делают. Мишка, наверное, чего-то неправильно поняла, когда с ним встречалась.

Соня нехотя вышла в прихожую, оделась, не отказав себе в маленьком удовольствии задержаться у зеркала. В новой, необыкновенно красивой замшевой курточке нежного абрикосового цвета с богато выпирающими наружу мехами, в черных джинсах, в лаковых сапожках на каблуке она себе очень нравилась. Черные кудри красиво смешались со светлым мехом, лицо было бледным и отечным, но выпавшимся и гладким. Вот только глаза... Глаза были жуткими. Затюканными, как у побитой собаки. Но ведь можно и черные очки надеть. Они тоже очень красивые. Настоящие, фирменные...

«Маша! Веселова! За тобой пришли!» – после продолжительной воспитательной беседы на тему уже двухмесячной задержки платы за детский сад громко начала взывать наконец молоденькая воспитательница в сторону копошащихся на детской площадке детей. Виновато улыбаясь и извиняясь, лепеча что-то про «на днях, и непременно, и спасибо, что напомнили», Соня быстро схватила за руку подбежавшую дочь, поспешно направилась к выходу. Машка, мгновенно почувствовав материнское настроение, шла молча рядом, втянув голову в плечи, как испуганный звереныш, которого только что оторвали от веселых собратьев и посадили на поводок. Щеки ее были еще румяны после беготни, шапка съехала набок, шнурки у одного ботинка совсем развязались и тянулись за ней по грязным лужам. Надо бы остановиться, выдернуть ладошку из маминой руки, завязать шнурок, да она не смела, так и шла до самого дома, боясь, что потеряет ботинок. Выйдя из лифта, мама неожиданно обернулась к ней, как будто только сейчас заметив, спросила: «Хочешь к Лизе?»

Ну, конечно, она хочет к Лизе! Лизка была ее лучшей подружкой, соседкой по лестничной площадке. Она жила вдвоем с мамой в такой же, как у них, двухкомнатной квартире, и Машка пропадала у них целыми вечерами, играя с Лизкой. Здесь можно было громко разговаривать, смеяться, сколько хочется, смотреть телевизор, есть до отвала тети-Надины, Лизкиной мамы, толстые пироги с капустой и картошкой.

Не заходя к себе, Соня позвонила в соседскую дверь. Ей открыла Надя в фартуке, с руками, выпачканными мукой, обрадовалась, заохала, засуетилась между прихожей и кухней. Заставила Машку снять колготки, которые она таки умудрилась промочить, уговорила Соню раздеться, пройти на кухню, начала, как всегда, метать на стол все, что было в доме съестного, одновременно что-то рассказывая, нарезаая, наливая, заглядывая в духовку.

С соседкой, своей одногодкой, Соня общалась давно, с тех самых пор, как двадцать пять лет назад переехала в этот дом. Надя тогда жила вдвоем с мамой, продавщицей из овощного магазина, располагавшегося на первом этаже их старой хрущевки, шумной дородной женщиной с желтыми химическими кудельками на голове и квадратными короткопалыми ручищами. Она ловко захватывала рукой сразу три-четыре яблока, приговаривая громко: «Бери, Сонечка, яблочь, сегодня яблочь хорошая, болгарская! Я тебе покрасивше выберу! И моркву хорошую завезли, и свеколь... А хрень брать не будешь?» – «Какую хрень?» – тарасила на нее глаза Соня. «Ну какую хрень, обыкновенную... Сегодня свежую привезли. Огурцы солить или помидоры, ну и в окрошку потереть можно...» – «А-а-а, нет, мне хрень не надо», – пряча улыбку, вежливо отказывалась Соня, про себя удивляясь – как это у Надиной матери все фрукты-овощи женского рода получают! И даже хрен – женского рода!

«Ты молодец, Сонюшка, и замуж выскочила, и ребеночка родила, а я Надьку свою никак замуж столкнуть не могу, – по-соседски жаловалась она на дочь. – Вроде и с лица она ничего, и в теле хорошем, а все доброго мужика себе не сыщет...»

Претендентов на Надины руку и сердце и в самом деле находилось много, они чередой сменяли друг друга, но личная ее жизнь и в самом деле никак не устраивалась. То будущий зять не соответствовал требованиям Надиной мамы, потому что был недостаточно «простым и работающим», а если и соответствовал, то не хотел жить под любопытствующим присмотром тещи, которая, как всем известно, желает молодым только добра. Однажды Надя, проявив чудеса независимости, привела в дом веселого парня, который поначалу вроде бы и прижился, и тещино «добро» принял близко к сердцу, но через какое-то время Надя вдруг вышла на люди с синяком под глазом. Потом – еще и еще, оправдывая суженого убийственной народной поговоркой «бьет – значит, любит». А потом обе они, Надя с мамой, скрывались у соседей от пьяного буйства «любящего» и спешно вызывали милицию, пока тот изуверски старательно кромсал топором соседскую дверь.

В общем, замуж Надя так и не вышла. Похоронив маму, сильно затосковала в одиночестве и решила родить себе ребеночка в утешение, чтоб, как говорится, «было в старости кому стакан воды подать».

В тот же год, что и Сониная Машка, на свет появилась Надина Лизка, симпатичная смуглая девчонка с раскосыми карими глазками, шустрая и сообразительная. Кто был Лизкиным отцом – оставалось тайной за семью печатями, Надя так никому и не сказала об этом. Не сказала даже Соне, которая была для нее авторитетом абсолютно непререкаемым. Надя, открыв рот, всегда внимала каждому ее слову, буквально боготворила Соню, восхищалась ее внешностью, умом, ленивой грацией, восхищалась ее манерой одеваться, говорить, есть, пить кофе, курить сигарету... Сама же Надя к своим сорока пяти превратилась в толстую тетку-повариху с сильными руками и большим круглым брюхом, огрубела лицом и душой, работала с утра и до позднего вечера, чтоб хоть как-то прокормить себя и дочку.

Соня, в свою очередь, довольно благосклонно принимала Надино восхищение, но дарила ей свою дружбу маленькими порциями, как говорится, «в охотку», а чаще всего откровенно ею пренебрегая. Однако, несмотря на маленькие порции и пренебрежение, как-то так само собой получилось, что Машка основную часть времени проводила в Надином доме, была всегда накормлена, умыта и обихожена. Иногда Надя покупала им с Лизкой одинаковые платяица или костюмчики, и это тоже воспринималось как само собой разумеющееся, без бурного проявления Сониной благодарности, как привычное продолжение их странной дружбы.

– Слушай, Надь... А ты мне дашь денег займы? – спросила Соня, следя за Надиными лихорадочными перемещениями по кухне.

– Дам, конечно. А сколько?

Соня задумалась. А правда, сколько? От чего отталкиваться-то? Откуда она знает, сколько надо ждать возвращения Игоря? Или... Когда Мишка начнет работать, например?

– Я и сама не знаю, Надь... Не могу сообразить. От меня же Игорь ушел...

Впервые вслух произнеся эту фразу, Соня вдруг поверила в ее реальность. В одну секунду поверила, что случившееся действительно имеет место быть и происходит именно с ней, Соней. Сегодня, здесь, сейчас. Горло мгновенно перекрыла жесткая слезная волна, которая, не спрашивая разрешения, тут же прорвалась наружу, исказив до неузнаваемости ровное выпавшее лицо. Она плакала и не могла остановиться, вытирая мокрые и горячие щеки дрожащими пальцами, изо всех сил стараясь успокоиться, и от этого только еще больше захлебываясь в следующей волне слез. Надя поначалу застыла над ней соляным столбом, видимо, пытаясь как-то переварить Сонину новость, потом бросилась успокаивать, заговорила что-то быстрое про «сволочей» и «козлов», и еще что-то про «кобелей, которые все такие». Наверное, то говорила, что и всегда говорят в подобных случаях. Соня и не вслушивалась, но вдруг каким-то особым чутьем уловила в Надином голосе знакомые нотки, странные такие, чужие, ей несвойственные. Это было похоже на прорывающуюся сквозь сочувствие радость, которая на

женском языке называется «ну, слава богу, не одна я такая»... Неуловимая вроде радость, но явно, явно присутствующая!

Тут же и очередная слезная волна, словно испугавшись, откатила назад. Соня горделиво распрямила спину, посмотрела прямо в Надины глаза. Так и есть. Она не ошиблась. Впервые Надя смотрела на нее без должного восхищения. Смотрела по-бабьи снисходительно, как на равную. Ей, Наде, равную! Будто Соня была такой же – неуклюжей толстопузой теткой-поварихой.

Ей вдруг стало совсем нехорошо. «Не хватает только бутылки водки на столе и пьяных откровений двух несчастных женщин», – подумала она, раздражаясь и злясь на себя. Быстро поднявшись из-за стола, пошла в ванную, умылась, вышла оттуда уже с улыбкой, говоря всем своим видом, что продолжения разговора и обсуждения темы не будет. Посидев еще минут десять, засобиравшись домой.

Деньги у Нади она все же взяла. Однако от ее сочувственного «отдашь, когда сможешь» опять стало нехорошо.

Вообще Соня никогда не занимала денег. Не любила, когда она кому-то должна. В трудные безденежные дни она легко могла морить всю семью голодом, держать на овсянке и морковных запеканках, но долгов не делала никогда. Лучше голодная свобода, чем сытое обязательство – таков был ее жизненный принцип, которым она страшно гордилась. Редкие исключения делались только для Сашки, потому что это был как раз тот случай, когда лучше поступиться принципами, чем что-то объяснять...

Квартира встретила Соню тишиной, небранной постелью, оставленной в раковине грязной посудой. Она устроилась с сигаретой на кухонном диванчике в любимой своей позе, подогнув под себя колени, привычно нырнула в себя, в свой внутренний диалог, самой себе задавая вопросы, сама себе пытаясь на них отвечать.

«Ну что, мадам Брошкина, надо как-то привыкать к своему новому положению!» – мысленно обратилась к себе Соня. А что? Действительно, надо. Никуда от этого положения пока не денешься. Тем более Надя только что продемонстрировала ей предсказуемую реакцию знакомых. Это еще хорошо, что близких подруг у нее нет. А то бы тоже, как Надя, насладились сочувствием... Приятельницы, конечно, кое-какие имелись, но их сочувствия можно не опасаться, поскольку они давно уже приучены ею к одностороннему общению. То есть к общению по ее инициативе. Но ведь можно и не проявлять покуда никакой инициативы...

Да, со знакомыми она как-нибудь разберется. Хотя – не в этом же по большому счету ее проблема состоит! Чего это она – о знакомых... Тут надо вообще что-то переосмысливать, в глубину смотреть надо, анализировать надо, почему все так наизнанку вывернулось. Есть где-то точка отсчета, только она не видит ее пока. Что-то мимо прошло важное, значительное, а она не заметила.

А что, вполне может быть. Если живешь как в теплом тумане, можно и не заметить. Ей-то в этом тумане хорошо жилось, а Игорю? Как там Сашка давеча в гневном пылу выкрикивала? Что она его не видит и не замечает? Что у него в квартире даже и места своего нет? Что, когда домой приходит, рубашку и брюки снимает в коридоре?

Стоп... Неужели – правда? Боже, боже мой, а она ведь действительно этому обстоятельству никакого значения не придавала... Привыкла, что он молчит. Привыкла, что любит. Привыкла, что его все время дома нет. Значит, и места ему в доме не надобно. Вот же идиотка! Да он, наверное, просто устал! Просто взял и физически надорвался, потому что всю жизнь работал, работал...

Да, наверное, именно в этом и зарыта собака! Как же она сразу не догадалась? Но... Но ведь это же все поправимо, господи! Вот он придет, и надо будет сразу кинуться ему на шею, все объяснить и попросить прощения. Или лучше... Да, надо ему настоящий отдых устроить,

вот что! Лето же впереди, вот и пусть он проведет его с Машкой на даче. А она... Она работать пойдет! Вот!

От осознания своего потенциального рабочего подвига даже сигаретный дым Соне показался слаще. Растворился внутри организма теплым облаком, рассеяв на время панику и страх. Хорошая мысль – пойти поработать! На полгода, не больше.

Действительно, она же не всегда сидела у мужа на шее, в конце концов! Иногда и работала. Правда, редко и понемножку, исключительно по своей прихоти. Хотелось просто посмотреть, чем там живет и дышит людское сообщество, и лишний раз убедиться, насколько больше тепла, свободы и уюта в ее маленьком и одиноком внутреннем мире.

А работодателям она всегда, между прочим, нравилась. Когда шла на собеседование, надевала строгий костюмчик, очки в элегантной оправе, включала все свое неземное обаяние и – вперед... Надо признать, не отказали ей ни разу. Каким-то внутренним чутьем предугадывая, что стоит за поставленным вопросом, она отвечала так, как хотелось бы услышать отдельно взятому конкретному работодателю. Кому-то нужно было наивно улыбнуться, для кого-то изобразить всезнайку, а для кого-то – просто строгую деловую даму, озабоченную своей карьерой. Все зависело от обстоятельств. Где-то она читала, что быть грамотным специалистом легко, а ты пойдешь попробуй притворись им, да так, чтобы все в это очковитительство еще и поверили...

Конечно, специальность свою она знала из рук вон плохо. Какой из нее инженер-строитель? Очень уж было скучно разбираться в чертежах, составлять длинные занудные сметы, отчеты, всяческие акты согласования и технические условия. И мало того что скучно – мертвые цифры и сухой бюрократический язык деловых бумаг вызывали у нее что-то вроде идиосинкразии. Слава богу, понятие человеческого фактора отменить не удалось еще ни одному, даже самому безжалостному и принципиальному руководителю: кому-то не прощается даже маленькая ошибка, а у кого-то не замечаются и крупные. Вот и ее основная стратегическая задача состояла в том, чтобы не обнаружить своей некомпетентности, завуалировать ее обаянием, улыбкой, обезоруживающей и ненавязчивой доброжелательностью, умными разговорами, вызывая у коллег-собеседников комплексы неполноценности от осознания собственного недоразвитого интеллекта. А когда она, эта проклятая некомпетентность, начнет нагло вылезать из всех дыр, можно быстро и элегантно сбежать, оставив с чувством вины тех, кто «довел» бедную женщину до увольнения, «выжил» от зависти к ее уму и красоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.